

КОСМОНОПТ

ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ

№ 2(3), 2014

16+

КОСМОПОРТ

ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ

№ 2(3), 2014

ПОДПИСКА

НАДЕЖНО!
ВЫГОДНО!
УДОБНО!Беларусь
74908Россия
по каталогу
«Почта России»
99715Беларусь
01205Россия
по каталогу
«Почта России»
83252Беларусь
00750Россия
по каталогу
«Почта России»
10815Беларусь
74930Россия
по каталогам:
«Почта России»Беларусь
11432
00646Беларусь
00653Россия
по каталогам:
«Почта России»
99752Беларусь
01142Беларусь
00123Выпишите для своих
детей и внучат
Мишуткины журналы.
Дети будут рады!Главный редактор:
Михаил ДЕРЕВЯНКО
Заместитель главного редактора:Сергей БУЛЫГА
Художники:
Ирина ЛАЗЕРКО,
Наталья КЛЕВЦЕВИЧ
Верстка, дизайн:
Наталья КЛЕВЦЕВИЧ

Учредитель и издатель:

Частное торговое унитарное
предприятие «Минар»,
г. Минск, ул. Лобанка, 22 - Н5.
Свидетельство о регистрации
№ 1633 от 20. 06. 2013.
Адрес для переписки: 220082,
РБ, г. Минск, а/я 34. «Космопорт».
Телефон: +375-29-653-22-54.
Эл почта avtor@kosmoport.net
сайт: www.kosmoport.netПерепечатка материалов
допускается только
с разрешения редакции.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.
Подписано в печать:
30. 01. 2014. Формат 70x100/16.
Офсетная печать. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 5,16. Заказ № .
Тираж 5500 экз.Отпечатано в унитарном
полиграфическом предприятии
«Витебская областная типография».
ЛП № 02330/0494165 от 03. 04. 2009 г.
Ул. Щербакова-Набережная, 4,
г. ВитебскПодписные индексы в Беларуси:
для инд. подписчиков - 74892,
для вед. подписчиков - 748922
© Частное предприятие «Минар», 2014

- 2 **Альетт де БОДАР «ПОГРУЖЕНИЕ»** — о том, что никак и никогда не изменить
- 12 **Илья СУХАНОВ «ДРАКОН ИЗ ПАРИЖА»** — знакомство с автором Альетт де Бодар
- 14 **Ника БАТХЕН «КОРАБЕЛЬНАЯ ПРАВДА»** — старый космический волк вспоминает...
- 22 **Виктор ЛУГИНИН «ПЕРВЫЙ ПОСЛЕ БОГА»** — о прошлом и будущем одновременно
- 28 **Алекс ШВАРЦМАН «ЦЕНА ПРЕДАННОСТИ»** — вид homo sapiens поставлен перед выбором...
- 34 **МИКРО-ИНТЕРВЬЮ «ВОПРОС-ОТВЕТ»** — Алекс Шварцман рассказывает о себе
- 35 **Олег МЕЛЬНИКОВ «ПЕРЕПИСКА»** — документальная фантастика
- 38 **Виктория БАЛАШОВА «ЛИФТ»** — встречи во сне и наяву
- 42 **Крис Альбов «ИСТОРИЯ РАЛЬШИ»** — о чём нельзя забыть и невозможно вспомнить
- 44 **К.А. Терина «Я, КРЕЙСЛАУФ»** — одно слово, решившее всё
- 50 **Дмитрий КОЗЛОВ «ПОСЛЕДНИЙ РАССКАЗ ГРИШИНА»** — незапланированное интервью в неординарных условиях
- 61 **Педро КАМАЧО «ЗЕРКАЛО ПАНА ТВАРДОВСКОГО»** — некоторые секреты практической магии

Альетт де Бодар Погружение

Утром ты уже не уверена, что знаешь, кто ты. Стоишь перед зеркалом. Отражение дрожит и течёт, показывая лишь то, что ты хочешь увидеть: разрез глаз, который кажется слишком широким, кожу, которая кажется слишком бледной. Ощущаешь странный запах, доносящийся наверное из вентиляционной системы. Это не благовония, не чеснок, а нечто другое, неуловимое, но которое тебе раньше было хорошо известно.

Ты уже одета. Нет, это не плоть, а та оболочка, которая снаружи. Это важно. Твой аватар облачен в синий, чёрный и золотой. Стильная одежда женщины из хорошей семьи, которая много путешествует.

Но когда ты отворачиваешься от зеркала, фокус в стекле мерцает, и на какой-то миг на тебя оттуда смотрит незнакомка. На ней скучное шёлковое платье. Она ниже и приземистее, чем ты. Она — это далёкое воспоминание, которое уже ровным счётом ничего не значит.

Куи стояла в порту смотрела на прибывающие космолёты. Конечно же, она могла наблюдать за медленным танцем кораблей, ныряющих в люльки стапелей, будто обратно в утробу матери, не только отсюда, но и из любого другого места на Станции Долговечность. Достаточно было через роутер вывести видео из сети на слой поверх поля зрения. Но в космопорте возникало особенное ощущение близости к происходящему, которое ей никогда не удавалось почувствовать ни в саду Золотых Карпов, ни в храме Лазурного Дракона. Только здесь, на расстоянии нескольких слоёв металла от стапелей, она могла почувствовать, что балансирует на краю холодной безвоздушной пустоты. Только здесь она могла почти явственно представить, что у неё нет семьи и что она вернулась к истоку всего.

В эти дни большая часть кораблей приходила из Галактика. А ведь ранее все думали, что бывшие хозяева Долговечности будут не слишком рады независимости колонии. Но вот после окончания войны прошло не так и много времени, как они стали приносить станции солидный доход. Черева приходящих кораблей извергали постоянный поток туристов. Глаза прибывших были слишком круглыми и широкими, челюсти — слишком квадратными, а у розовых лиц был нездоровый оттенок сырого мяса, слишком долго пролежавшего на солнце. Они шли с легкой уверенностью владельцев иммерсеров, лишь на секунду задерживаясь полюбоваться очередной достопримечательностью — и вновь продолжали путь к вокзалу. Торгуясь на школьном ронге о цене поездки, они нанимали транспорт до рекомендованных оте-

лей. Куи большую часть жизни наблюдала это зрелище, оно было знакомо ей до тошноты. Полчища одинаковых туристов, наводняющих станцию — это как нашествие сороконожек или пиявок.

И всё равно Куи продолжала наблюдать за ними. Они напоминали ей о времени, проведённом на Прайме, опьяняющих днях учёбы, шумных барах и бурных выходов, последних минутах зубрёжки перед экзаменами. Время без забот, которого в её жизни никогда больше не будет. Она одновременно скучала по тем денькам и презирала себя за эту слабость. Учёба на Прайме, которая должна была приоткрыть для неё дверь в более высокие слои общества станции, на деле не принесла ей ничего и лишь отдалила от собственной семьи и оставила с ощущением нарастающего одиночества, неудовлетворённости и бесцельности существования, которое она даже не могла выразить словами.

Она простояла бы так, не шевелясь, целый день, но тут на границе поля зрения появился наложенный роутером значок. Сообщение от Второго Дяди.

— Дитя. — Лицо его было бледным и помятым, под глазами темнели мешки, словно он не выспался. А может, и не выспался — последний раз, когда Куи его видела, он совещался с Ттам, её сестрой, пытаясь организовать доставку к свадебному торжеству: пятьсот восковых тыкв и шесть бочек лучшего рыбного соуса со станции Процветание. — Дитя, — повторил Второй Дядя. — Возвращайся в ресторан.

— Но у меня же выходной, — ответила Куи. Она не ожидала, что это прозвучит так зло и по-детски.

Второй Дядя был почти напрочь лишён чувства юмора, но его лицо скривилось в подобии улыбки. На зернистом фоне ярко выделился белый шрам, полученный им во время Войны за независимость. Шрам изгибался туда и обратно, будто всё ещё беспокоил.

— Знаю, — сердито сказал Дядя. — Но ты нужна мне. У нас важный покупатель.

— Галакт, — произнесла Куи. Это было единственно возможное объяснение тому, что звали её, а не кого-нибудь из братьев или племянников. Семья почему-то полагала, что благодаря обучению на Прайме она хорошо разбиралась в образе мыслей галактов. Хоть какой-то прок от учёбы, раз уж основной цели добиться не удалось!

— Да. Важный человек, руководитель местной торговой компании. — На слое обычного зрения Второй Дядя не двигался. Куи видела, как корабли, проходили сквозь его лицо, медленно выравнивались напротив своих подов, и как потом перед ними, как цветок орхидеи, раскрывалась приёмная ниша. Куи прекрасно знала, как идут дела в ресторане — число посетителей постоянно уменьшалось, самые разборчивые клиенты переезжали в районы получше, а у туристов не хватало времени на дорогие блюда из отборных продуктов.

— Хорошо, я буду.

За завтраком ты смотришь на еду, разложенную на столе: хлеб, джем и какая-то окрашенная жидкость. Мгновение в твоей голове пусто, а потом иммерсер вбрасывает информацию, что это чёрный и крепкий кофе, именно такой, какой ты обычно пьёшь.

Да. Кофе.

Подносишь чашку к губам — иммерсер аккуратно подсказывает тебе, напоминая, как братья, как двигаться, как без малейшего усилия в любой ситуации оставаться грациозной и элегантной.

— Чуть крепковат, — извиняющимся голосом произносит твой муж.

Он наблюдает за тобой с другого конца стола с таким выражением лица, которое ты не можешь истолковать. Странно, ты должна была знать всё о выражениях лиц

Альетт де Бодар — французская писательница-фантаст, пишущая на английском языке, лауреат премии Хьюго и журнала «Локус» в 2013 г. Подробнее смотрите на стр. 12-13.

— вся информация о культуре Галактика записана в иммерсер, и он должен был тебе всё подсказать. Но иммерсер странным образом молчит, и это пугает тебя больше, чем что-либо иное. Ведь иммерсеры никогда не подводят!..

— Идём? — спрашивает муж.

На секунду забываешь его имя, потом вспоминаешь: Гален, это Гален. Его называли в честь какого-то врача со Старой Земли. Высокий, темноволосый, с бледной кожей. Как и у других галактов, аватар его иммерсера практически такой же. Это людям вроде тебя надо стараться, чтобы соответствовать стандартам. Ведь в тебе столько всякого царапает взгляд: раскосые глаза, морщинка в форме моли в уголке рта, тёмная кожа, приземистость, наводящая скорее на мысли об индийском хлебном дереве, а не о колышущейся листве высоких пальм. Но это не важно: ты легко можешь стать идеальной — надень иммерсер и превратись в кого-то другую, высокую, белокожую и красивую.

Хотя, если серьёзно, сколько ты уже не снимала иммерсер? И как только мелькает эта мысль, её тут же сметает поток информации от иммерсера. Стрелочки переводят всё твоё внимание на хлеб, на кухню, на отполированную металл столешницы. Они, как цветок лотоса, раскрывают перед тобой целую вселенную информации.

— Да, — отвечаешь ты, — Идём.

Запинаешься на этом слове. Была какая-то другая конструкция, какое-то местоимение, которое стоило бы использовать вместо суховатого выражения на галакто. Но на ум ничего не приходит. Чувствуешь себя полем сахарного тростника после сбора урожая: выжженным, с пенками обрезанных стеблей, в которых не осталось ни капли сласти.

Конечно, Второй Дядя настаивал, чтобы во время деловой встречи Куи была в иммерсере.

— Это просто на всякий случай, — как всегда мягко и дипломатично сказал он.

Но там, где Куи оставила иммерсер, его уже не было. Разослав сообщения всей семье, Куи смогла узнать что-то толковое только от кузена Кхана. Он припомнил, что видел Ттам, которая промчалась по жилым помещениям, собирая всю технику Галактика, до которой она только смогла добраться.

Третья Тётя, прочитав сообщение Кхана на семейном канале, неодобрительно проворчала

— Ттам! Эта девчонка вечно витает в облаках. Мечтами шелуху с риса не снять.

Куи промолчала. Её мечты зачали и умерли ещё тогда, когда, вернувшись с Прайма, она провалила экзамены на должность чиновника. Но зато это так здорово, когда рядом есть хоть кто-то, кто смотрит за пределы узкого круга семейных интересов, вращающихся вокруг ресторана. Да и если не она, то кто стал бы общаться с Ттам?

В общих комнатах на верхних этажах сестры не было. Куи мельком глянула на лифт к запертым комнатам Бабушки. Это был знак уважения к Бабушке, вряд ли Ттам стала бы там разбирать технику галактов. Поэтому Куи направилась прямоком на нижний этаж, где проживала молодёжь.

Кухня была совсем близко, и казалось, что всё вокруг пропитано запахом чеснока и рыбного соуса. На нижнем этаже, со всеми его запахами и шумом полчищ официанток, разносящих еду, конечно же, могли обитать только самые младшие.

Ттам сидела в закутке, который был общей зоной этого этажа. Техника была свалена на полу: два иммерсера (вероятно, Ттам и Куи были единственными членами семьи, которые настолько легкомысленно относились к ним и бросали их где попало), беспроводная детская обучающая приставка, сейчас передающая истории о подростках, которые выросли на терраформированных планетах. А на столе лежало какое-то непонятное устройство. Ттам успела выпотрошить его как рыбу, и

на столешнице валялись линзы и металлические детали.

Но, похоже, всё это Ттам уже наскучило, и сейчас, заканчивая завтракать, она втягивала лапшу из суповой плошки. Наверное, это были остатки с кухни. Куи узнала запах и почти ощутила на языке вкус специй из маминого супа. В животе заурчало, хотя Куи уже успела позавтракать рисовыми колобками.

— Снова ты за своё, — вздохнула Куи. — Пожалуйста, не бери мой иммерсер для своих экспериментов.

Ттам даже не попыталась изобразить удивление:

— Вроде бы тебе не особо нравится им пользоваться, сестрица.

— Даже если я им не пользуюсь, это не значит, что он твой, — ответила Куи, хотя настоящая причина была, конечно же, другой. Её не волновало, что младшая сестра без спросу брала её вещи, и она даже была бы рада никогда больше не надевать иммерсер. Просто она ненавидела то смутное ощущение, которое возникало, когда побеги системы проникали во все уголки её разума, чтобы подобрать лучший способ подсказывать ей правильные действия. Но при общении с клиентами, обслуживала ли она просто столик или готовила большой праздник, иммерсер был обязателен.

— Сестрёнка? — сказала Куи.

Ттам положила палочки рядом с тарелкой и широко взмахнула руками:

— Хорошо. Забирай. У меня есть свой.

Куи всмотрелась в разложенные на столе предметы и задала свой обычный вопрос:

— И как успехи?

В отличие от Куи, Ттам хорошо разбиралась в логистике и компьютерных технологиях. Большую часть времени Ттам проводила перед экраном или напрямую подключённой к компьютерной сети станции. Её работой были сетевые подключения и поддержка сети в ресторане. В свободное время Ттам возилась с техникой галактов. Она разбирала устройства, что-

бы посмотреть, как они работают, а затем собирала их заново. Так одна из попыток Ттам разобраться с развлекательными приставками позволила установить в ресторане различный фоновый звук для клиентов. Теперь галакты слушали старомодную ронгскую музыку, а местные жители — декламацию новейших стихотворений.

Но с иммерсерами Ттам зашла в тупик. В этих штуках была мерзкая защита от любопытных. Иммерсеры можно было легко открыть, чтобы заменить батарейку, но не более того. В прошлый раз Ттам чуть не осталась без рук.

Судя по лицу Ттам, к новой попытке она была пока что ещё не готова.

— В их основе должна лежать такая же логика, — сказала Ттам.

— Где и какая? — Куи не могла удержаться от вопроса. Она подняла иммерсер и быстро проверила, стоит ли на нём серийный номер её устройства.

Ттам указала на разбросанные по столу детали и начала объяснять:

— Это Искусственный Писатель. Штуковина, которое сочиняет развлекательное чтение.

— Вроде бы это не то же самое, — Куи решила подождать пояснений от Ттам.

Та продолжила:

— А вот эта штуковина вплетает в повествование существующие культурные стереотипы. Например, про людей, прокладывающих свой собственный путь и сражающихся с пришельцами за обладание планетой. Для нас на Долговечности это звучит довольно бессмысленно, мы же никогда не видели ни одной другой планеты.

Ттам резко выдохнула, глядя наполовину на разобранного «Искусственного Писателя», наполовину на какой-то из наложенный слоёв, и закончила мысль:

— Так же и иммерсеры: берут готовые культурные паттерны и в подходящей форме доносят до тебя информацию об языке, жестах, обычаях, обо всём. Один принцип.

— И всё равно не понимаю, что ты хочешь с ним сделать, — подытожила Куи

и надела свой иммерсер, подтянув тонкий металлический обруч так, чтобы он ровно сидел на голове.

Она вздрогнула, когда интерфейс синхронизировался с мозгом. Пошевелила руками, меняя установки — дурацкая фигурина вечно сбрасывалась на заводские установки, и Куи подозревала, что дело тут нечисто. Но вот всё покрылось мерцающей сеткой, это медленно занимал своё место аватар. Куи продолжала видеть комнату — матрица была лишь слегка непрозрачна — но, предки, как же она ненавидела ощущение неполного присутствия!

— Как я выгляжу? — спросила она Ттам.

— Отвратительно. Твой аватар похож на труп или что-то вроде этого, — прокомментировала сестра.

— Ха ха ха, — сказала Куи.

Аватар был бледнее и выше её. И большинство клиентов говорило, что он делает её красавицей. В такие моменты Куи была рада аватару: никто не видел, как её злят такие комплименты.

— Ты так и не ответила на мой вопрос, — строго сказала Куи. — Так что же ты хочешь с ним сделать?

Глаза сестры сверкнули. Она продолжила:

— Только представь, как много мы могли бы сделать, если бы разобрались. Это же лучший образец техники галактов, который у нас есть!

Куи презрительно хмыкнула. Ттам понимающе улыбнулась, она прекрасно знала, как сестра относится к галактам и их пустым обещаниям.

— А ещё это их оружие, — сказала Ттам и толкнула приставку. — Как их книги, голофильмы, живые игры. Для галактов всё просто — они надевают иммерсеры с туристическими настройками, запускают ронг-скрипт (какой бы идиот его ни написал), и это ровно то, что им требуется для ориентирования в чужой культурной среде. Но мы нет. Мы им поклоняемся. Наши иммерсеры всегда настроены на культуру галактов. Мы пытаемся выглядеть как они.

Галакты подталкивают нас к этому, а мы достаточно наивны, чтобы поддаваться.

— И думаешь, ты можешь как-то исправить это? — не удержавшись, сердито воскликнула Куи. Её не надо было убеждать: на Прайме она никогда не встречала иммерсеров. Даже приезжая в другой город, галакты полагали, что знают достаточно, чтобы самостоятельно разобраться во всём происходящем. Иммерсеры были туристической штучкой для космических станций, бывших колоний, которые были буквально ими наводнены.

Глаза Ттам загорелись — такой огонь иногда горел в глазах у мятежников в исторических голофильмах — и она с жаром стала говорить:

— Если сумею их разобрать, то смогу пересобрать и разъединить некоторые логические контуры. Мы сможем получить доступ к языку и другим механизмам коммуникации так, чтобы эти устройства не поглощали нас.

— Витаает в облаках, — сказала Третья Тётя. — Никто никогда не упрекал Ттам в том, что она мыслит слишком мелко. Или что не добивается поставленных целей. Ведь любая революция должна с чего-то начинаться, как в своё время Война за независимость началась всего с одного стихотворения и незаконного заключения его автора.

Куи кивнула. Она доверяла Ттам, хотя и не знала, до какой степени.

— Хорошо сказано. Но мне пора идти, а то Второй Дядя меня приберёт. Увидимся позже, сестрёнка.

Проходя со своим мужем под широкой аркой входа в ресторан, ты бросаешь взгляд на каллиграфическую вывеску наверху. Иммерсер переводит её как «Кухня Сестры Хаи» и начинает в деталях рассказывать о меню и рекомендованных блюдах. Когда ты проходишь мимо столов, он подсвечивает то, что тебе могло бы понравиться с его точки зрения, от вареников с рисом до жаренных креветок. Он пре-

достерегает тебя от более экзотических блюд, вроде маринованных свиных ушек, ферментированного мяса (с ним стоит быть особенно осторожным, так как его название меняется в зависимости от того, какой из станционных диалектов ты используешь) или столь любимого местными жителями сильно пахнущего дуриана.

Это кажется... не совсем правильно, думаешь ты, стараясь следовать за Галеном. Он идёт со свойственной ему уверенностью и уже сильно опередил тебя. Люди расступаются перед ним, официантка с юным симпатичным аватаром кланяется, хотя Гален не обращает на это внимания. Ты знаешь, его раздражает такое раболепие, и он часто разглагольствует об устаревших обычаях на борту Долголетия, о неравноправии и нехватке демократии. Гален считает, что местные обитатели изменятся и приспособятся к галактическому обществу, это лишь вопрос времени. Когда-то давным-давно вы спорили об этом, но сейчас остались только выцветшие воспоминания. Ты забыла слова, ты даже не помнишь, почему спорила и какой в этом был смысл. Галакты восстали против тирании Старой Земли. Они сбросили оковы и завоевали право самим определять свою судьбу. В какой-то момент все остальные станции и планеты поступят так же, поднимутся против диктатуры, которая удерживает их от прогресса. Это правильно. Это всегда было правильным.

Без спроса останавливаешься у стола и наблюдаешь за двумя девушками, палочками берущими кусочки курицы с блюда. От него поднимается запах рыбного соуса и лимонного сорго, резкий и непереносимый, как тухлое мясо. Нет, нет, не то — ты вспоминаешь образ женщины с тёмной кожей, которая подносит к столу блюдо пропаренного риса, её руки были полны того же запаха, и твой рот наполнялся слюной в предвкушении...

Девушки смотрят на тебя. Простейшие, шаблонные аватары. Одежда — яркая смесь красного и жёлтого, странный, не-

удобный крой, работа дешёвых дизайнеров. Лица аватаров дрожат, и под алым румянцем щёк ты замечаешь намёк на тёмную кожу. Дешёвая, неуместная безвкусица, хорошо, что ты совсем не такая, как они.

— Могу ли я вам помочь, старшая сестра? — спрашивает одна из них.

Старшая сестра. Обращение, которое ты пыталась найти раньше, одна из тех вещей, которые, казалось, стёрлись из памяти. Ты мучительно подыскиваешь слова, но всё, что предлагает иммерсер — нейтральное безликое местоимение. Инстинктивно ты чувствуешь, что это не то. Так мог бы сказать иностранец.

— Старшая сестра, — наконец повторяешь ты, так и не сумев придумать ничего другого.

— Агнес! — это издали доносится голос Галена. И на короткое мгновение кажется, что иммерсер снова тебя подводит. Ты знаешь, что у тебя много имён. Имя Агнес дали тебе в школе у галактов. Гален и его друзья могли произносить его, не коверкая. Ты помнишь и ронгские имена. То, что дала тебе мать на Долголетии, детские ласковые прозвища и, наконец, взрослое имя.

Бе-Но, Бе-Ю. О-Сень, как память о багряных кленовых листьях с планеты, на которой ты никогда не была.

Отшатываешься от стола, скрывая дрожь в руках.

Когда Куи пришла, Второй Дядя и клиенты были уже на месте.

По приватному каналу пришло сообщение «Ты опоздала». Дядя писал без эмоций, словно заранее знал, что на неё нельзя положиться. Обида обожгла Куи.

— Позвольте представить вам мою племянницу Куи, — обратился он на галакто к человеку, который стоял за ним.

— Куи, — повторил человек.

Его иммерсер идеально схватил все нюансы произношения имени на ронге. Он был ровно таким, как она ожидала. Высо-

кий, тонкий слой аватара, который немного сужал его подбородок и глаза и делал его грудь чуть шире. Но всё это мелкие, косметические поправки, а в общем и целом для галакта он выглядел весьма неплохо.

— Меня зовут Гален Сантос. Приятно познакомиться. Моя жена, Агнес,— продолжил клиент на галакто.

Агнес. Куи повернулась, в первый раз внимательно взглянула на женщину и вздрогнула. Там никого не было, лишь толстый слой аватара, настолько плотный и сложный, что Куи не могла даже предположить, как выглядит та, которая скрывается за ним.

— Приятно познакомиться, — поприветствовала их Куи и, согнувшись и сложив руки вместе, поклонилась всем, от младшего до старшего. Это был традиционный ронгский поклон. Только благодаря своей вечной наблюдательности, Куи успела заметить, что по телу Агнес пробежала едва заметная дрожь. Иммерсер вопил, что надо протянуть обе руки ладонями вверх, как это принято в Галакте. Но Куи была ещё на том уровне, где можно отличить свои мысли от подсказок иммерсера, поэтому она просто отфильтровывала его советы.

Второй Дядя снова заговорил (его аватар был белокожей худошавой версией его собственного облика):

— Так вы ищите место для банкета?

— Да, — ответил Гален, придвинул к себе стул и сел, мягко погрузившись в его объятия.

Примеру Галена последовали и все остальные, хоть и без такой же высокомерной грации. Когда садилась Агнес, Куи заметила, что она снова вздрогнула, будто вспомнила что-то неприятное.

— Мы собираемся отметить пятую годовщину нашей свадьбы, и решили, что хотим отпраздновать это как полагается, — начал рассказывать Гален.

Второй Дядя кивнул.

— Понятно, — сказал он, потирая подбородок: — Поздравляю.

Гален кивнул и продолжил:

— Мы подумали... — Он остановился и бросил на жену взгляд, который Куи не смогла толком истолковать. Иммерсер молчал. Но это было что-то странно знакомое, что-то, что она точно знала, как называется. — Что-нибудь ронгское, — сказал наконец Гален: — Большой банкет на сотню гостей с традиционной кухней.

Куи почти физически почувствовала, как доволен Второй Дядя. Такой огромный банкет ужасен с точки зрения логистики, но позволит ресторану продержаться на плаву год или больше, если, конечно, правильно выставить цены. Но что-то было не так, что-то...

— А чего именно вам бы хотелось? — спросила Куи, но не у Галена, а у его жены, скрывающейся за плотным аватаром.

Но ответа она не услышала. Похоже, Агнес (наверное, это было не то имя, которое она получила при рождении) не могла отвечать на вопросы и даже просто говорить. Куи пронзила ужасная догадка.

Вновь наступило молчание. И это уже было ожидаемо.

Инициативу перехватил Второй Дядя, размашистыми жестами он попытался сгладить неловкость:

— Так, значит, целый кабан? — Дядя удовлетворённо потёр руки. Жест галактов, которого Куи у него никогда прежде не видела. — Суп из горькой дыни, «Дракон и феникс», запечённая свинина... — Второй Дядя начал перечислять все традиционные свадебные блюда (исключив, однако, самые экзотические вроде плавника акулы и сладкого супа из фасоли адзуки), не зная, как далеко хочет зайти иностранец.

— Да, то что надо. Не так ли, дорогая? — Гален обратился к жене.

Но она по-прежнему молчала и даже не шевелилась. Галакт посмотрел на неё, и Куи наконец поймала выражение его лица. Она думала, это будет презрение или ненависть, но это было страдание. Он искренне любил её и не мог понять, что происходит.

Галакты. Неужели он не сумел понять, что у него под носом иммерсеровый тор-

чок? С другой стороны, галакты редко сталкивались с этой проблемой. Вряд ли они когда-либо носили иммерсеры больше чем пару дней, да ещё с такой глубиной погружения! Если они вообще заходили так далеко. Большинство ведь было убеждено, что галакто понимают везде.

Второй Дядя и Гален торговались, спорили о ценах и услугах. И постепенно голос дяди всё больше и больше походил на голос туриста-галакта. И всё ожесточеннее бился за всё меньшую и меньшую прибыль. Но Куи это уже не волновало, она наблюдала за Агнес. Самая свежая новинка с Прайма, рыжие волосы, веснушки и лёгкий намёк на загар. Но кто скрывался внутри, в кого иммерсер так глубоко пустил корни? Остался ли там хоть кто-то? Там была права — все иммерсеры надо разобрать, и неважно, что они взрываются! Они и так уже причинили достаточно вреда. Куи хотелось вскочить и содрать свой иммерсер...

Но не могла же она позволить себе такое во время делового разговора. Поэтому Куи просто встала и подошла ближе к Агнес. Мужчины, увлечённые торгом, едва ли обратили на это внимание.

— Ты не одна, — сказала Куи по-ронгски, достаточно тихо, чтобы остальные не услышали.

И снова странное, вырванное из обычного хода времени, мгновение.

— Ты должна снять его, — сказала Куи.

Никакого ответа. В порыве чувств Куи хватает женщину за руку — и чувствует, как ладони проходят сквозь аватар иммерсера и касаются тёплой живой плоти.

Ты слышишь, как они торгуются на заднем плане. Дело идёт туго. Мужчина со станции упрямо стоит на своём, не давая Галену ни малейшей зацепки. Но всё это очень далеко и умозрительно. Время от времени иммерсер напоминает о себе, растолковывая тот или иной жест и подталкивая тебя сделать то или другое. Ты должна сидеть молча, поддерживая мужа. Ты улыбаешь-

ся только губами, которые, кажется, склеились одна с другой.

И в то же время ты всё время чувствуешь на себе взгляд этой девчонки, он будоражит как ледяная вода или как взор дракона. Она не отодвигается от тебя, её рука на твоей, сжимает её с силой, которую трудно было заподозрить в таком теле. Тоненький слой аватара, и под ним ты можешь легко разглядеть её настоящий облик: круглое лунообразное лицо, кожа цвета корицы. Нет-нет, не надо о специях или о шоколаде, это просто цвет, который ты видела всю свою жизнь.

— Ты должна его снять, — говорит она.

Ты не двигаешься, но тебе интересно, что она имеет в виду.

Снять его. Снять его. Снять что?

Иммерсер.

И вдруг ты вспоминаешь ужин с друзьями Галена, когда они смеялись над шутками, которые звучали слишком быстро, чтобы ты могла их понять. Борясь со слезами, ты вернулась домой... И неожиданно взяла иммерсер с прикроватной тумбочки, чувствуя его прохладную тяжесть на руках. Ты думала, что Гален будет рад, если ты начнёшь говорить на его языке. И что он меньше бы стыдился твоей неотёсанности перед друзьями. А затем ты поняла, что пока держишь настройку иммерсера на максимальном погружении и не снимаешь его, всё идёт просто прекрасно. А потом... Потом ты спала и ходила в нём, и мир не видел ничего кроме твоего аватара. А ты не видела в мире ничего кроме того, что иммерсер пометил для тебя. Потом...

Потом всё покатило по наклонной. Ты больше не могла писать программы, не могла заглядывать в начинку машин, потеряла работу в технической компании и пришла к Галену. Ты блуждала по его жилищу как пустая оболочка, как призрак самой себя — словно ты уже умерла. Вдали от дома и всего, что он для тебя значил. А потом ты больше никогда не снимала иммерсер.

— Да что ты такое творишь, юная женщина?! — раздался возмущенный голос Второго Дяди. Он вскочил и повернулся к Куи. Его аватар вспыхнул от гнева, бледная кожа покрылась некрасивыми красными пятнами. — Если ты не заметила, мы взрослые люди и обсуждаем важные вещи!

В иных обстоятельствах Куи испугалась бы, но его голос, поза и жесты сейчас полностью копировали галактов. Перед ней стоял незнакомец, разозлившийся иностранец, чей заказ она неправильно записала, и которого потом, сидя в комнате Там, с чашечкой чая на коленях, под знакомую скороговорку сестры, она сможет достойно высмеять.

— Извините, — неискренне произнесла Куи.

— Всё в порядке, — сказал Гален. — Я не хотел... — он замолк, посмотрел на жену. — Я не должен был приводить её сюда.

— Вам надо показать её врачу, — сказала Куи, удивляясь собственной смелости.

— Думаешь, я не пробовал? — в голосе галакта прозвучала горечь. — Лучшие больницы Прайма. Они осмотрели её и сказали, что не могут снять иммерсер. Что шок убьёт её. А даже если нет... То ещё неизвестно, поможет ли ей это.

Куи почувствовала, что краснеет, и снова извинилась, на этот раз уже по-настоящему.

Гален отмахнулся от неё, внешне небрежно, легко, но она-то видела ту боль, которую он силился спрятать. Она вспомнила, что галакты считают, что мужчины не могут плакать.

— Итак, мы договорились? — спросил Гален у Второго Дяди: — Миллион кредитов?

Куи подумала о банкете, столах с едой и о Галене, который надеется на то, что этот праздник напомнит Агнес о доме...

И о том, что эта идея закончится ничем, потому что фильтр иммерсера оставит для Агнес лишь экзотическое пиршество незнакомых вкусов.

— Извините, — снова повторила Куи, хотя уже никто её не слушал, и, с трудом сдерживая ярость, она стремительно отвернулась от Агнес.

— Извините, — говорит эта девочка, встаёт, убирает руку, и ты чувствуешь, как будто внутри что-то рвётся, как будто кто-то внутри тебя пытается вырваться наружу. Ты хочешь сказать: «Не уходи. Пожалуйста, не уходи. Не бросай меня здесь!..»

Но вот они уже жмут друг другу руки, улыбаются, довольные заключённой сделкой. Как акулы, думаешь ты, как тигры. Даже эта девочка отвернулась, посчитав, что ты безнадежна. Они с дядей уходят разными путями обратно во внутренние помещения ресторана. Они возвращаются домой.

Пожалуйста, не уходи.

И вдруг словно кто-то другой берёт контроль над твоим телом. Ты находишь в себе силу, про которую и не знала. Гален идёт обратно в главный зал ресторана, обратно в шум и суету, и к мучительным запахам еды (цыплёнок с лимонным сорго и пропаренным рисом, прямо как готовила мама), а ты отворачиваешься от мужа и идёшь вслед за той девочкой. Она торопится, и ты видишь, как она срывает с лица иммерсер и с отвращением швыряет на тумбочку. Ты видишь, она заходит в комнату, и следуешь за ней.

Они смотрят на тебя, обе девочки. Та, за которой ты шла, и другая, помоложе, поднимающаяся из-за стола, за которым сидела. Одновременно и ужасно чужие, и ужасно родные. Рты открыты, но из них не вырывается ни звука.

Время замирает, и в это застывшее мгновение ты замечаешь на столе разложенные детали устройств галактов. Ты видишь гору инструментов, разобранные приборы и раскрытый, как треснувшее яйцо, им-

мерсер. Ты понимаешь, они пытались разобрать его, чтобы переделать, и знаешь, что это у них никогда-никогда не получится. И тут дело не в защите или специальном шифре для защиты легендарной интеллектуальной собственности галактов, нет, причина лежит глубже. Иммерсер — это любимая игрушка галактов, которую придумали сами галакты. Всё в ней, каждый слой, каждая логическая связь пронизана другим образом мышления. И для этих девочек этот образ так же чужд, как чужд образ мышления каких-нибудь пришельцев из дальнего космоса. Надо быть галактом, чтобы поверить в то, что можно взять целую культуру и ужать её до размера алгоритма. Что язык и обычаи можно уварить до простого набора правил. Эти девочки никогда не поймут, как работает иммерсер, потому, что они не могут и никогда не смогут думать как галакты. Потому что чтобы думать так, надо родиться в этой среде.

Или год за годом обдалбываться ею до бессознательности.

Поднимаешь руку, как будто двигаешь в киселе. Говоришь, проталкивая свои слова сквозь многочисленные слои мыслей иммерсера.

— Я об этом знаю всё, — с трудом произносишь ты.

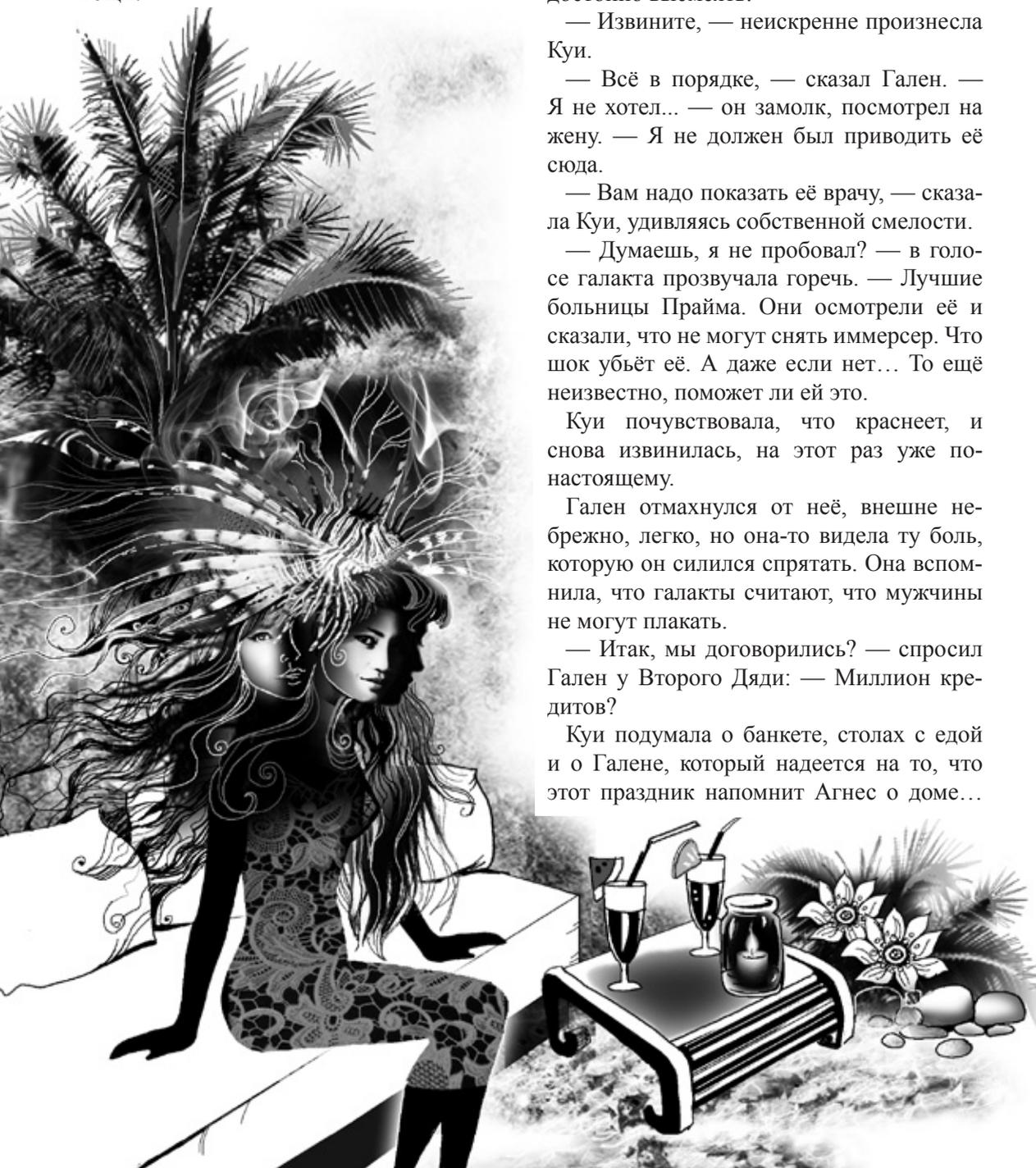
Голос звучит хрипло, а слова лазерными ударами падают на свои места, одно за другим. И это правильные слова, правильные так, как ничего не было более правильным на протяжении последних пяти лет.

— Позвольте мне помочь вам, младшие сёстры.

Посвящается Рохите Лоенен-Руис, за вдохновившие беседы.

Перевела с английского Ирина Lipka Aliette de Bodard «Immersion», 2012. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в е-зине «Clarkesworld» №6, 2012

Илья Суханов Дракон из Парижа

Альетт де Бодар появилась на свет в США в смешанной франко-вьетнамской семье. Её отец — гражданин Франции, поэтому писательница получила двойное гражданство. Через год после рождения Альетт семья вернулась на родину отца. Несмотря на то, что писательница росла главным образом во Франции, в Париже, родители сумели настоять на том, чтобы она активно изучала английский язык. И к фантастике она пришла именно через английский, а не французский язык. Как и многие будущие писатели, для начала она оказалась запойным читателем и, начав с Азимова, перечитала все фантастические книги, которые только нашлись в библиотеке. Важно отметить, что научную фантастику и фэнтези Альетт читала в основном на английском.

Когда ей было около шестнадцати лет, семья на два года переезжает в Лондон. Там Альетт увлекается книгами Орсона Скотта Карда. Прочитав все художественные произведения, она наткнулась на его

публицистическую книгу «How to Write Science Fiction and Fantasy: A Bestselling Science Fiction/Fantasy Writer Shares» (Как писать научную фантастику и фэнтези: автор бестселлеров делится советами). Альетт была настолько увлечена прочитанным, что тут же начала писать свой первый фантастический роман. Через два года она сумела закончить его и даже отослать нескольким издателям, и немедленно приступила к работе над вторым. Но как раз на это время пришлось начало учёбы в высшей инженерной школе, так что в итоге роман пришлось отложить.

Однако остановиться писать Альетт уже не могла, и в свободные часы она начала работать над новеллетой, вначале над одной, потом над другой. Её дебютное произведение (рассказ «The Triad's Gift») увидело свет в 2006 году в журнале *Deer Magic*. В последующие годы Альетт выпустила несколько десятков рассказов и повестей, три романа, а её произведения постоянно оказывались в шорт-листах самых престижных англоязычных фантастических премий, включая Хьюго и Небьюлу. Но если не считать успеха рассказа «Shipmaker», ставшего лауреатом Премии британской ассоциации научной фантастики в 2010 году, она всё время отставала в каком-то шаге от наград. Пока, наконец, в 2013 году рассказ «Погружение» не выиграл премию Хьюго и премию журнала *Локус*.

Родной язык Альетт — французский, но с самого начала она писала фантастику только на английском и предпочла общение с другими начинающими писателями именно из англоязычной среды (*Writers of the Future*). Писательница сама отмечает, что эта языковая особенность, придаёт её книгам особый ритм. Ну а читатели также

Илья Суханов родился в 1982 году. Кандидат медицинских наук, работает в Итальянском Институте Технологий. Администратор сайта Лаборатория Фантастики. Живёт в Генуе, Италия.

могут подметить, что это же повлияло и на то, как порой неожиданно и необычно Альетт строит метафоры в своих произведениях. Другая особенность творчества Альетт — это фон её историй. Она целенаправленно работает с культурным материалом, не укладывающимся в рамки того, что в западных источниках называют «псевдоевропейской фэнтезиландией». Так, действие трилогии «Obsidian and Blood» («Обсидиан и кровь») разворачивается в XV веке в фэнтезийной Мезоамерике, в Ацтекской империи, где главный герой, жрец одного из богов ацтекского пантеона, расследует несколько убийств. Другой крупный цикл писательницы, «Хуа», возник из предположения, что Северная и Южная Америка была вначале открыта не европейскими, а китайскими мореплавателями и, соответственно, Китайская империя стала одной из доминирующих на Земле раньше, чем в нашей истории. Стоит отметить, что «Погружение» относится именно к этой альтернативно-исторической вселенной.

Неевропейский фон, активное использование сюжетов и образов из классической китайской и вьетнамской литературы — осознанный выбор Альетт, достаточно необычный для англоязычной фантастики. Как говорит сама писательница: «Я не говорю, что псевдоевропейская фантастика плоха ... но, думаю, нам стоит стремиться к большему разнообразию, как в плане жанровой принадлежности, так и сеттинга ... меня всегда ужасало, как мало переводной литературы печатают в США и Великобритании». И хотя сама Альетт никогда не употребляет термин «постколониализм», совершенно очевидно, что она знакома с идеями этой популярной постмодернистской теории (сущность которой превосходно описывает определение Лила Ганди: «постколониализм — интеллектуальное сопротивление одному из главных последствий колонизации — мифологизирующему забвению прошлого»), они ей близки, и порой она обращается к

ним в своих произведениях. Так одной из отправных точек для создания первого романа из цикла «Obsidian and Blood» стало несогласие с восприятием Ацтекской империи только как цивилизации кровожадных злодеев.

Среди своих литературных учителей, помимо Орсона Скотта Карда, Альетт также называет Урсулу ле Гуин, Роджера Желязны, Патрицию Маккиллип, а также авторов серий детективных историй о судье Ди (Роберта ван Гулика) и валлийском монахе-бenedиктинце Кадфаэле (Эллис Питерс).

В настоящее время Альетт работает над романом в жанре городского фэнтези, действие которого будет происходить в Париже, а среди героев есть вьетнамские драконы. Также писательница планирует продолжать закрывать хронологические дыры в цикле «Хуа».

Ника Батхен

Корабельная правда

...Давно забыли друг друга
Твои седые барбудос...
(с) Адриан и Александр

Створки входного шлюза распахнулись бесшумно. Помещение не реставрировали, на стенах сохранились следы от лазеров и царапины от осколков, на полу — подозрительные бурые пятна. Туристам сделалось неуютно, какая-то малышка в мультяшном комбинезоне сморщила личико, собираясь заплакать, но не успела. Вспыхнул свет, из динамиков грянул гимн витальеров и каперов. Седобородый осанистый капитан в мундире, отделанном

золотыми пуговицами, вышел навстречу гостям:

— Добро пожаловать, дамы и господа! Фрегат А-класса «Хелена» и пиратский капитан Арчибальд к вашим услугам. Во время экскурсии вы сможете узнать подлинную историю корабля, все подробности участия экипажа в борьбе за независимость и демократию на планете...

— И про подвиг Верного Генри тоже расскажем? — пискнула голенастая школьница, покраснев от собственной смелости.

— Конечно, юная леди, — густым басом подтвердил капитан. — В кают-компании мы увидим пробоину, которую героический юнга закрыл своим телом, — он погиб, спасая товарищей. Но всему свой черед. В оружейном отсеке, дамы и господа, вы ознакомитесь с вооружением фрегата, в навигационной полюбуетесь на приборы, в трюме на контейнеры для перевозки провизии осажденным повстанцам, на капитанском мостике — покрутите настоящий штурвал, в кубрике испытаете на себе прелести невесомости. На камбузе вам предложат лёгкий ланч, приготовленный по старинным рецептам лучшими поварами нашего кафетерия. По окончании экскурсии вы сможете приобрести сувениры, памятные значки и билеты на ночную дискотеку «Дорога в космос». Настоятельная просьба, господа и дамы, — будьте бережны с корабельным инвентарём и покрытием внутренних помещений, нелегальные сувениры запрещены! Прошу за мной.

Капитан тронул пусковой медальон, внутренние створки шлюза разъехались, открывая увешанные трофеями стены. Галдящие туристы двинулись следом за экскурсоводом. Щёлкали гаджеты, голографируя подсвеченные витрины, эфесы древних клинков, следы взрывов и мужественный профиль бывшего звездолёт-

Ника Батхен (Вероника Батхан) родилась в Санкт-Петербурге. Автор трёх книг, а также более пятидесяти рассказов, опубликованных в России, Беларуси, Украине, США, Израиле, Германии, Франции, Польше и Болгарии. В настоящее время живёт в Феодосии, Украина.

чика. Подростки крутили браслеты, топорливо диктовали комменты и ставили лайки. Разряженные старухи громко шептались, делясь воспоминаниями — кто снова, словно птичка, на флаере, подвозя повстанцам провизию и горючее, кто, не покладая рук, трудился в госпитале, а кого соблазнил сам команданте в ночь перед разгромом десанта Конфедерации... «У Хорхе всегда был хороший вкус» фыркнул про себя Арчи, изображая приветливую улыбку. «Этим клушам он и посуду на камбузе не доверил бы».

Экскурсия ползла медленно, словно минутная стрелка перед атакой. Туристы восхищались, ахали, охали, взволнованную малышку стошнило в симуляторе невесомости, старуха в белом споткнулась на лестнице, но была подхвачена мужественной рукой капитана. Пробоина вызвала ожидаемый ужас, штурвал — восторг. Ланч подали на длинной стойке, гости жадно набросились на еду — угощение включалось в цену билета. Долговязый, модно одетый турист воровато оглянулся и поманил к себе капитана на два слова. Понимающе улыбаясь, Арчи долго кивал, затем вывел гостя наружу, в коридорную нишу.

— Вот сэр, подлинные раритеты, не мусор из лавочки. Я вижу, вы хорошо разбираетесь в настоящих вещах, сэр.

Никому из ценителей древностей до сих пор не приходило в голову, что в боевом лазере нет патронов, стеклянная посуда в невесомости чертовски опасна, а кортики и эполеты отменили ещё при батюшке Императоре. Старьё за гроши скупалось в трущобах, заказывалось у местных умельцев. А туристы платили за рухлядь настоящими голденами — из принципа капитан не брал ни инфов, ни кредов (Арчи помнил, как лопались банки, а золото остаётся золотом).

Напоследок пришлось сняться со всеми желающими, на групповой голограмме и по отдельности. Девицы в прозрачных топиках так и жались к герою пышными бюстами, старухи скалили белоснежные зубы, а у мужчин делались на редкость

глухие лица. Арчи терпел. Экскурсии это не страшно. Дискотеки, где он по контракту должен был появляться не менее двух раз за вечер, раздражали его куда больше.

Выпроводив последнюю на сегодня группу, старый боцман снял карнавальный мундир и прошёлся по кораблю — не нашкодили ли туристы. Случалось, ляпали граффити на стенах, крали муляжи из специально приоткрытых витрин, ухитрялись даже процарапывать плексиглас, выводя бессмертное «здесь был Джонни». Но в этот раз запакощенные тысячами ног коридоры «Хелены» сверкали, как новенькие, сенсоры работали безупречно, в кондиционированном воздухе ощущалась чуть слышная морская свежесть — как любил тот капитан. Арчи сплюнул и беспомощно выругался — идиоту ведь ясно, честным людям не место в политике. Но команданте Хорхе был уверен, что с несправедливостью надо бороться там, где можешь до неё дотянуться.

Когда заключили перемирие с разгромленной и униженной Конфедерацией, именно Хорхе, в те дни ещё капитан «Хелены», предложил Совету — разоружаться всем. И повстанцам и федератам и витальерам и отчаянным каперам. Кто не хочет жить в мире, пусть валит на четыре стороны — космос большой, планет много. «Хелена» тогда носилась по всей системе, вылавливая упрямцев. Канониры наводили орудия на корабли бывших товарищей, веря — это всё ради светлого будущего. Потом неподкупного Хорхе выбрали первым президентом вольной планеты. Он успел открыть небо, гарантировать детям чистый воздух, а старикам продуктовые пенсии.

Через сто сорок четыре дня президента подорвали вместе с флаером. Ни один из законно избранных не вышел больше к народу без персональной охраны — кишка тонка. Но воздуха вправду стало хватать на всех, без работы народ не сидел, а если кого и высылали на рудники, так ведь не топили в горячем озере и в открытый космос в скафандре без троса не отправляли,

как при батюшке Императоре. Жить стало лучше — а если кому жить тошно, так это его проблемы. Зато у деток есть жвачка, гаджеты, флаеры, непрозрачные стены в собственных комнатах, дискотеки по выходным. Своих детей у боцмана не было и он не жалел об этом.

Сенсор кают-компании мигал красным. Так... ещё один любитель истории ищет подлинный дневник команданте или рубашку, испачканную в крови героя. Снял с пояса разряженный лазер, Арчи скорчил свирепую мину и ворвался в помещение.

За шахматным столиком сидел невысокий парнишка в старомодной джинсе, без браслетов, наушников и дурацких серёг «грустно-весело». Он задумчиво двигал магнитные фигуры, разбирая отложенный эндшпиль. Ферзь на d-4, белые выигрывают преимущество, но рискуют оставшейся пешкой. Знакомая партия. У Генри тоже была привычка размышлять за шахматами, забравшись с ногами в неудобное корабельное кресло. Хулиганка Марисабель, сдав вахту, любила игрануть с мальчиком партию и отчаянно мухлевала, взглядом смещая позицию. Казначей Лео играл основательно, но слышал одно и то же «вам мат, сэр». Только боцману удавалось иногда добиться ничьей.

— Отставить, юнга! — вырвалось у Арчи. (Как похож, дюзы и двигатели, как похож!)

— Простите сэр, — паренёк виновато поднялся. — Я отстал от экскурсии и задумался. Мне показалось... не считите, что я вам не доверяю, но ваши истории я читал в школьной энциклопедии, а они всегда врут.

— Яйца в одной корзине тоже не отличаются друг от друга, — против воли улыбнулся Арчи.

— Да, капитан Арчибальд, снаружи они одинаковы, но в одном таится птенец, а в другом вонючая жижа. Прошу, расскажите мне правду.

Генри в семнадцать был таким же отчаянным пацаном — настырным, любопыт-

ным, жадным до справедливости. А семнадцати ему не исполнилось...

— Слушай и запоминай, приятель! Если кто-то соврёт, что Верный Генри рос паймальчиком, не пробовал крейзи-колу и не целовался с девчонками — плюнь дураку в лицо. Он был юнгой на витальере, сыном нищенки и солдата. Он научился драться раньше, чем читать и писать. Он любил свой фрегат, мороженое с ванилью, штурмана Марисабель — её все обожали, а она обожала звёзды. А ещё он любил свободу. Больше жизни. И это — чистая правда.

Таймер заверещал «вахта! вахта!», за бортом стемнело. В двустороннем иллюминаторе было видно — полуголые девки в обнимку с раскрашенными «под землян» мажорами уже толпятся у входа, ожидая диджеев. Сиамских близнецов Флаффи наняла управляющая компания и не ошиблась: дискотека «Дорога в космос» с тех пор не жаловалась на плохие продажи. До выхода к дорогим гостям оставалось совсем немного. Арчи выпроводил паренька через грузовой люк и поспешил в гримёрку. Хороший парень, непохожий на нынешнее отродье. Хорхе пожалуй взял бы такого на борт.

Тугой воротничок костюма сдавил горло. Боцман расстегнул пуговицу, глянул в экран и показал язык отражению. Отважные витальеры уже не молоды и женщины не сражают наповал красотой. Где ты, Марисабель, штурман, который не умел ошибаться? Смуглое от космического загара лицо, пышные кудри, скрученные в пучок, талия в обхват ладоней, колечки на мизинцах, запах табака и смолы. После разоружения она подалась в пограничники, подралась на вахте, стала эскорт-девицей, охраняла трусливых болванов. Потом отошла от дел — как и прочие. Арчи попробовал вспомнить, когда в последний раз беседовал с парнями из команды и не смог. Стыдно. Пора.

Когда он в расшитом алом камзоле с обнажённой шпагой и парой лазеров за поясом, вышел на сцену к орущей толпе,

веселье уже кипело вовсю. Вспыхивали и гасли световые пушки, пол вибрировал от звуковых волн, сниженная гравитация позволяла танцорам выкидывать невероятные коленца. Кто б мог подумать! В трюме фрегата на боевом ходу устроит пляски бесстыжая школота? А он, Арчибальд, боцман «Хелены» и друг команданте, словно клоун, запрыгает перед идиотами. Горячая ненависть подступила к горлу. Арчи сглотнул и поправил микрофон в лацкане:

— Мы с тобой — пираты до конца!

Мы с тобой попляшем умца-ца!

...Если бог милосерден, он даст шанс пристрелить автора.

Как всегда после первого сета, страшно хотелось выпить, но врачи давно запретили спиртное. Трезвый и злой, Арчи бродил по коридорам, гонял роботов чистить блевотину и подбирать банки от крейзи-колы. И за этих паршивцев стоило воевать? Таких, как давешний пацан, равнодушных, чутких, стремящихся к правде почти не осталось, они вывелись, словно снежные волки. А овцы сыты и пьяны.

Пусковой медальон завибрировал: аларм. Тревога! Капитанская рубка. Арчи спешил, как мог, но увиденное пригвоздило его к порогу.

Они сняли флаг. СНЯЛИ ФЛАГ. И обдолбанные, счастливые, кувыркались прямо на нем — бритый наголо, увешанный серьгами гадёныш и белокожая, рыжая дрянь. Круглые ягодицы и раскрашенная спина парня блестели от пота. Девица, постанывая для виду, безостановочно крутила браслет: смотрите, френдята, смотрите и лайкайте — витальерский флаг это вау!

Один из двух лазеров оказался заряжен. Арчи выстрелил прямо в витрину. Осколки стекла разлетелись, царапая стены. Паршивцы вскочили тотчас.

— Вы не посмеете! — дрожащим голосом проблеял гадёныш и попытался прикрыть собой даму. — Я сын самого пре...

— Сукин ты сын, — сказал Арчи. — Вон отсюда. И все твои дружки — вон.

Он гнал их пинками до самого трюма. В грохоте танцпола никто не обращал внимания на раздетых юнцов и свирепого старика — пока Арчи вторым выстрелом не подбил световую пушку. После третьего выстрела предложение немедленно покинуть фрегат А-класса «Хелена» было встречено с бурным энтузиазмом. Арчи даже открыл запасные люки, опасаясь свирепой давки.

Когда последний гуляка скатился с трапа, по трюму уже сновали уборщики — боцман успел отдать приказ. Глупое сердце попробовало сбойнуть... но мы же его поправим, таблеточку под язык и порядок. Столь буйной ярости Арчи не помнил за собой с того дня, как убрал в кладовую прежний мундир и на неделю ушел в запой. И в крупные неприятности ему не доводилось влетать давно, очень давно.

Полиция будет нескоро — пока примут вызов, снимут все показания, отберут у юнцов наркоту, свяжутся с их родителями, пока вскроют два шлюза и по сенсорам вычислят координаты преступника, пройдет время. Скорее всего, управляющая компания решит дело без шума — уволит на заслуженный отдых, отключит двигатели, тишком отправит «Хелену» на переплавку, поставит макет с танцполом и рестораном на двести мест, как давно собирались. Обшивку раздергают на сувениры, дневники запрут в музей, боцману Арчибальду, как почетному ветерану, обеспечат уютное место в тихом пансионате для героев борьбы за независимость. Каждый год на персональной коляске с фигуристой сиделочкой позади будут вывозить на столичный парад, по воскресеньям выдавать по бокалу вина, каждый вечер таблетку снотворного... И мир останется лживым.

Сколько там бишь у нас пушек? А ведь запросто не возьмут. Десять лет прожил крысой — может пора умереть человеком? Витальером с вольного фрегата «Хелена», лучшего корабля на свете. Где валяется чёртов браслет, дюзы и двигатели?!

— Марисабель, это я. Есть выгодный фрахт, штурман.

Зеленый стремительный флаер обогнал полицию. Он ввинтился в шлюз, словно пуля в беззащитное тело. Скрипнули тормоза, откинулся яркий купол. Арчи зажмурил глаза, зная, что он увидит — подтянутую нарядную куклу, раскрашенного болванчика. Но седая жилистая старуха обняла его так же сильно, как обнимала прежде. У неё были те же глаза — быстрые, жаркие, те же духи — смола, табак и мятая кожа. И бранилась Марисабель как раньше, не переводя духа. Головоногие подлицаи не любят отстирывать штаны от собственного дерьма, в которое сядут мозолями после профуканного штурма, факт. Этим поротым трясогузкам кровь из ануса нужно нырнуть в галюн и вылезти чистыми. Сперва на борт вышлют мозгокрутов и болтократов, потом попробуют газы и сон-машинку. Ты уверен, старый мошенник — никто кроме вас с капитаном не знает, что двигатель на ходу?! Ферзь d2 — d4? Поехали!

Нужно горячее, говорила Марисабель, с бешеной скоростью набирая полётные коды. Нужны заряды, кислород, тьюбики и таблетки. Нужна команда — а мы с тобой давно уже не те. Альте-захн, бесполезные старики, как пишут сопляки в блогах. Толстяк Брайтон спился вконец, Шанталь умерла от рака, у Фергюса молодая жена и дети — не стоит и предлагать. Погоди... Вот! Айвен с «Бешеного» служит героем в музее Победы, Чао сторожит склады на космодроме, Марго-землянка ловит жуликов на таможне, Христо держит клуб в нижнем городе. Звать их? Звать, капитан?

К рассвету полисмены окружила кафе «Хелена» редкой цепью, не подпуская зевак. Невысокий парнишка в старомодной джинсе неторопливо прохаживался перед потеющим от почтения майором Планетарной Безопасности.

— Операция запланирована, ситуация под контролем. Небольшой показательный бунт поможет усмирить всех недо-

вольных в столице. Никаких расстрелов, никакой крови — пара месяцев с **нашими** специалистами — и пираты во всем покаются, а потом мирно доживут остаток дней в уютных пансионатах. Пресса уже здесь?

— Да, сэр, — кивнул майор. — Самострелов гоняем, технику глушим, журналисты с государственного канала вот-вот подъедут.

— И учтите, сюда сбегутся десятки, сотни бунтовщиков и недовольных. Со скандальными лозунгами, завиральными идеями, витальерскими флагами и портретами команданте на потных футболках. Они будут требовать невесть чего, петь, орать, пьянствовать, драться друг с дружкой и провоцировать полисменов. Самые ретивые полезут в корабль, возможно даже с оружием — мы перехватили сообщения одного из зачинщиков. Вы осознаете свой долг?

— Да, сэр. А в чем он заключается?

Парнишка обреченно вздохнул:

— Не допускать эксцессов с нашей стороны. Ни трупов, ни раненых, ни избитых, ни изнасилованных девиц, ни скандальных арестов. Мы представляем закон, беспредел — прерогатива пиратов. Препятствуйте, отстраняйте, в крайнем случае задействуйте водометы и излучатели.

— Сон-машинку? — ухмыльнулся майор. — Да, сэр.

— И ещё. Как бы вам объяснить коллегам... Охрана «Хелены» не слишком надежна.

— Мимо моих ребят мышь не проскочит, — возмущенно возразил майор.

— А нужно, чтобы могла проскочить. Пусть самые рьяные бунтовщики соберутся на корабле и подготовятся к обороне. Мы поставим им ультиматум, спровоцируем, а затем красиво разоружим перед камерами. Понятно?

— Нет, сэр, — потупился майор.

— Бывших пиратов не бывает, они всегда готовы укусить кормящую руку. Легенды должны оставаться легендами до тех пор, пока в них есть нужда, — улыбнул-

ся парнишка. Бессонная ночь нарисовала предательские морщинки на его гладком лице.

...Витальеры собирались по одному, только Айвен привел жену, а Христо сына и дочь — он воспитал хороших детей. Кому-то удалось пробраться сквозь оцепление, кто-то прорвался. Толстяк Лео, недолго думая, дал на лапу майору, представительная Марго просто прошла сквозь ряды, помахивая членским билетом клуба преферансистов, канонир Майк пролез через канализационный тоннель (как только не застрял!), а рыжий Билли примчался на гоночном флаере — едва успели распахнуть шлюз. По молчаливому уговору, у шпаков брали всё, кроме советов: деньги, выпивку, топливо, медикаменты и оборудование. Но в корабль наотрез не пускали. Капитан Арчибальд заявил, что туристов на борту боевого фрегата А-класса побывало уже достаточно. Двое юнцов всё равно умудрились пробраться сквозь запасной вход, и один въехал в ящике с оборудованием, но это было неизбежное зло.

Работали без передышки, собирали корабль на живую нитку — сам команданте не сказал бы, когда власти схватятся за голову, а полисмены за боевое оружие. Двигатели барахлили, оборудование устарело, портативный реактор фонил и кашлял, Марисабель охрипла от брани, Арчи плюнул на запреты врачей. «Группа поддержки», как злоязычный Лео окрестил разномастных защитников демократии, собравшихся у «Хелены», сперва вела себя хорошо — недовольные граждане тихо шумели, махали флагами и плакатами, но не пакостили и даже сдавали полиции особо рьяных и пьяных бунтовщиков.

На третий день на площадь явилась компания бритоголовых чудиков с настоящими факелами и интерактивным баннером — «сетевые» наперебой постили непечатные отзывы о всенародно избранном. Длинноволосые сторонники команданте дружно сплюнули на асфальт духовитые самокрутки, закатали рукава и заявили,

что баннер провокация и отзывы провокация, призванная расточить акцию протеста. Лидер бритых вытащил шайбу из уха, и, пристраивая её на шипастую цепь, нелестно высказался на тему интимных привычек собеседников и сомнительных пятен в их неординарном происхождении. Длинноволосые, лишнего не говоря, запузырили баночку с газом, и на время сравняли шансы.

Витальеры смотрели на цирк через нижние иллюминаторы, свистели, улюлюкали, делали ставки — пять к одному. Банк сорвала Марисабель — она ставила на полицию. Бузотеров скрутили быстро, под прицелами камер рассовали по дуровозкам и увезли от греха. Под шумок разогнали и остальных протестантов, кого вежливо, кого в тычки. Кольцо полисменов сомкнулось, прислали роботов и вертолёты. Людей к «Хелене» больше не подпускали. Зато выслали переговорщиков — элегантную полисвумен в синем мундире, туго натянутом на пышной груди, и добродушного пожилого парламентария с отеческой улыбкой. Если выбросить лишние словеса и витиеватые комментарии Марисабель, суть предложения властей сводилась к простому «хватит дурить, дедули». Бунтовщикам предлагали амнистию, места в пансионатах и алко-карточки в социальные бары. Даже зачинщику ничего, кроме года в комфортабельной столичной тюрьме, не грозило — господин президент приказал не судить по всей строгости. Посовещавшись, витальеры выдвинули встречные требования — топлива на год, неделю на сборы и публичную порку автора знаменитого хита «Умца-ца!». Представители власти взяли сутки на размышление.

Закрыв шлюз, Арчи объявил «все наверх» и вырубил микрофон. По обычаю витальеров, судьбу корабля решали сообща, от капитана до последнего юнги. Оглушительным свистом антикварной боцманской дудки Арчи призвал команду к порядку. По обычаю он спросил — хо-

чет ли кто сказать про него что дурное, выказать недоверие или вступить в бой за капитанский мостик. Боцману тут же припомнили штрафы, карцер, ржавый скафандр, разбитую в невесомости пинту доброго рома, бегство со свадьбы и запачканные во время перестрелки штаны. Рыжий Билли, ухмыляясь, потребовал драки, и два грузных старика валтузили друг дружку по скользкому полу, пока Арчи не разбил приятелю нос. Под вопли, грохот и улюлюканье два юнца поднесли новому капитану помятую, пахнущую каптеркой фуражку — альте-захн, сказал бы любой старьёвщик, не задумавшись, кто носил эту фуражку раньше.

Когда шум утих, капитан задал экипажу резонный вопрос — что делать? Реактор не протянет и полугод, запасов тубиков на два месяца, экипаж укомплектован наполовину, и за последние двадцать лет никто из ребят никуда не летал. Даже если «Хелену» удастся поднять, чего, Марисабель, кстати, не гарантирует, даже если их не ослепят лазером, не собьют ракеты внешней охраны — куда податься фрегату? Грабить рудники, собирать дань с работяг на астероидах, шантажировать прогулочные суда, искать планету Тортуга, надеясь, что витальерские сказки не врут? Если кто хочет покинуть корабль, опасаясь за жизнь — самое время. Никто? Продолжаем.

— Очевидно, что фрегат под колпаком, вероятность, что разговоры прослушивают — сто процентов, да, господа безопасники, мы ещё не в маразме. Поэтому, парни (девочки, к вам это тоже относится) — сдаем браслеты и серьги. Марисабель, включай глушилку!

Древний джаз захрипел из коридорных динамиков, сбивая с толку глупые микрофоны. Отхлебнув из пузатой фляжки, Арчи продолжил:

— Завтра нас попробуют выкурить из корабля. Сон-машинкой, скорее всего — зашиту «Хелены» изготовили раньше, чем портативные излучатели, и это известно

всем. Поэтому лететь надо сегодня. Билли, твои расчеты?

Рыжий Билли собрал в кулак бороду:

— Вокруг фрегата достаточно большой сквер, чтобы «Хелена» стартовала, не развалив город. Но волной накроет оцепление и флаера. С одной стороны, если мы поджарим зады бессовестным подлицаям, так им и надо. С другой — одного трупа хватит, чтобы по нам законно шмальнули ракетами.

— С третьей, — рявкнула с места Марго, — там люди! Живые люди. Сколько им нужно на эвакуацию, Билли?

— Десять минут. Для верности — четверть часа.

— Так и объявим — за пятнадцать минут до взлета, — согласился Арчи. — Команда, старт в полночь. По местам, бездельники! За работу!

Аларм заверещал за час до начала отсчёта. Капитан вышел на смотровую площадку и зажмурился от яркого света — «Хелену» окружили прожекторами, сновали журналисты, плечом к плечу стояли хмурые полисмены. Перед строем прохаживался полковник внутренней безопасности, щуплый и совсем молодой на вид. Он шуточно отсалютовал Арчи.

— Приветствую капитана погорелого судна. Поиграли и хватит, сдавайте оружие, выходите по одному. Время кончилось, переговоров больше не будет.

— С чего такая немилость, господин околоточный? — лениво поинтересовался Арчи.

— Вы собрались поднять в космос это корыто. По статье планетарного кодекса сто четырнадцать часть вторая, старт космических кораблей разрешен исключительно в специально отведённых местах, после прохождения техконтроля и санитарной проверки. У вас есть нужные справки?

Арчи молча достал две карточки — конечно, они были фальшивыми, но журналистам хватит.

— Вы считаете, центр города это специально отведённое место?

— Я считаю, что команданте Хорхе лучше знал, куда сажать боевой фрегат, — Арчи пожал плечами и демонстративно отвернулся. Его собеседник сделал шаг к кораблю.

— Ферзь d2 — d4. Что вы на это скажете?

— Откуда вам... — начал Арчи и побледнел, вцепился пальцами в поручень.

— Подсказали, — по-юношески широко улыбнулся полковник. — Остальное было делом техники — найти витальера с некрупными неприятностями и пообещать ему большие проблемы. Казначей Лео Флокс как честный гражданин ввёл нужный код в систему и деактивировал двигатель. Никуда вы не полетите, господа альте-захн. Сдавайтесь сами — и закон будет к вам снисходителен.

На постаревшего, ссутулившегося капитана было жалко смотреть. Журналисты наперебой щёлкали, голографируя трагические черты — как выразительна белая борода, как скорбны складки у мудрых глаз витальера, потерпевшего последнее поражение. Арчи молчал. Казалось, он вот-вот упадёт. Но пузатая фляжка помогла старику и здесь.

— Вы позволите, господин полисмен, мне нужно всего лишь несколько минут, чтобы уговорить команду сложить оружие. Они отчаянные ребята, и я меньше всего хочу лишней крови — кто бы её ни пролил, она прольётся мне на руки.

— Хорошо, — согласился полковник. — Верный Генри поступил бы так же, не правда ли, боцман? Время у вас есть. Майор, включите таймер, пожалуйста.

Через девять с половиной минут створки шлюза разъехались.

— Первый пошёл! — громыхнул из динамиков бас капитана.

Грязный, смрадный, помятый, но несомненно живой Лео выкатился под ноги полисменов. Полковник принялся и отступил на шаг.

— Бедняга отродясь плохо играл в шахматы. Ферзь d2 — d4, а потом ход конём,

шах и мат. Кодом были другие координаты. И у вас десять минут, чтобы унести отсюда трясущиеся зады.

Полковника отшатнуло. Капитан Арчи-бальд продолжил:

— Считаю долгом предупредить — отсчёт начат, код сработал. Если вы пустите сон-машинку, «Хелена» всё равно взлетит, но потом упадёт на город. Наши жизни столько не стоят. Пошёл вон! Вива команданте!!!

— Вива! — откликнулась команда. Сорванным голосом Марисабель добавила, куда именно нужно идти и какие препятствия ожидают в дороге бравого подлицая, его коллег и самого всенародно избранного. До самого старта она не повторилась ни разу. Полисменов едва успели эвакуировать, оборудование погибло — но город не пострадал. Поэтому господин полковник впоследствии потерял лишь погоны.

Старушка «Хелена» оделась в белое пламя и с рёвом оторвалась от земли. Флаг подняли в кают-компании. Через тридцать минут на всех каналах планеты транслировали нравоучительное зрелище — взбунтовавшийся фрегат А-класса распадается на атомы под ударом ракет внешней охраны.

...Номеров корабля правда было не разглядеть, и картинка рисовалась нечеткой, мутной. И частные голографы ещё месяц не могли пробиться за стратосферу сквозь упорную магнитную бурю. И какой-то фрегат А-класса ещё год грабил прогулочные яхты за поясом астероидов, а потом, прорвав кордоны, улетел на Тортугу. И за флаг витальеров нарисованный на стене или вышитый на рубахе сами знаете, что бывает.

А мальчишки в бедных кварталах до сих пор играют в бесстрашного Арчи и старт «Хелены», и девчонки дерутся за имя Марисабель. И хоть кто-то из них обязательно вырастет человеком, способным своим телом заткнуть пробойну на борту. Правда, Генри?

Первый после Бога

Корабль вышел на орбиту неизвестной планеты.

Джек Дениелс не почувствовал резкого торможения. Гасители инерции делали своё дело. Только красная лампочка под потолком призывно зажглась.

Джек лежал на койке и читал потрепанный детектив в мягкой обложке. До конца книжки оставалось не больше десяти страниц, но по-прежнему никак не удавалось угадать, кто убийца.

Перелёт длился восемь часов. От последней базы, расположенной в секторе Девы, до планеты всего два парсека. Можно даже и не спешить — за сутки Джек успел бы прочесть ещё одну книжку. Только вот учёным не терпелось обследовать новый мир.

Раздался громкий звук вызова. Джек нехотя нажал кнопку приёма.

— Лейтенант! — послышался визгливый голос Ника Пресли. — Все давно готовы к высадке! Ждём только вас!

— Неужели? — Дениелс перевернул страницу. — Насколько мне известно, перед высадкой вначале проверяют информацию, полученную с зондов.

— Нам достаточно и данных от разведчиков! — кричал из динамика Пресли. — Эта планета — нетронутый заповедник!

Джек обречённо вздохнул, закрыл книжку и бросил на столик возле койки. И показал средний палец сверкающей красной лампе.

— Ждите, — буркнул он. — Иду!

— Скорее! — взвизгнул Пресли и связь оборвалась.

Ник Пресли был тем ещё типом. Главный ксенобиолог на борту и самый большой нытик во Вселенной! За свою жизнь Джек встречал сотни ботаников, но этот был исключением из правил. Мало того, что он обладал манией величия и считал,

что все должны ему подчиняться, так ещё и ставил науку выше человеческой жизни. Джек был отставным военным, прошедшим суровую службу на дальних рубежах человеческих колоний и нанялся сюда начальником охраны только потому, что платили отлично.

Но никакие деньги не стоят таких унижений! Пресли с командой учёных обследовал дальние, малоизученные планеты. Искали новые формы жизни, разрабатывали месторождения полезных ископаемых. За полученные ими данные понимающие люди из крупнейших корпораций были готовы отвалить любые деньги, но для Пресли всё это не представляло никакой ценности. В голове у него было совсем другое — он мечтал найти разгадку тайны возникновения жизни во Вселенной и попасть во все СМИ человеческих колоний, лучезарно улыбаясь и обнажая свои ослепительно-белые вставные зубы. Вот только до этого было еще неопределённо далеко, Пресли постоянно был на взводе — и, по его прихоти, Джеку приходилось бегать по пустыням, дремучим лесам и болотам, карабкаться на скалы, опускаться в пещеры и даже нырять в неизвестные воды. Пресли был неженкой и жутким трусом, боявшимся всего на свете. Не дай бог вляпается в грязь или станет жертвой укуса инопланетного москита! Вот и приходилось делать всё за него, добывать материалы, рисковать жизнью.

Но иногда Пресли соглашался спуститься на планету. И то лишь тогда, когда считал, что это совершенно безопасно. Или как сейчас — планета располагалась возле жёлтого карлика, в идеальной позиции. Разведчики не обнаружили на ней признаков жизни, что наводило на интересные выводы.

Впрочем, старый вояка чхал на всё это. Лишь бы сегодня не бегать за Пресли, убе-

Виктор Лугинин родился в 1989 году в городе Покров, Россия. Автор трёх книг и нескольких рассказов. Сейчас проживает в посёлке Чисть Минской области, Беларусь.

регая его от опасности. Сам бы с удовольствием сбросил его в бездонную пропасть на съедение инопланетному монстру!..

Лейтенант открыл шкафчик и натянул на себя защитный костюм. Он был сделан из материала, напоминавшего обычную резину, но в то же время защищал тело от всех напастей — был пуленепробиваемым, обладал датчиками для проверки сердечных ритмов, контролировал температуру тела, имел встроенный запас воды на всякий аварийный случай и даже выводил лишние жидкости из организма. Джек осмотрел себя в зеркале. Ничего так! Будто водолазный костюм, разве что баллона с кислородом не хватает. Но его заменяла встроенная система фильтрации прозрачного шлема.

На неизвестной планете кислорода имелось в избытке. Только вот рисковать, дыша инопланетной атмосферой, всё равно не стоило.

Джек надел шлем, втянул в себя фильтрованный воздух — и чуть не закашлялся. Решительно, нужно поставить такие же фильтры на корабль.

Джек подошёл к круглой металлической двери, та отскочила в сторону, освобождая путь, и вышел в узкий коридор, который вёл по жилому отсеку корабля. Десятки точно таких же круглых дверей, за которыми ютились охранники, техники, инженеры и пилоты. Многих Джек знал лично, с некоторыми даже играл в покер долгими космическими вечерами.

Джек проскочил коридор, спустился по длинной двуручной лестнице и оказался на техническом этаже. Здесь сновали десятки людей в белых халатах. Всё сборище ботаников готовилось к изучению новой планеты. Джек чуть не столкнулся с бегущими очкариками, с блеском в глазах спешившим к иллюминаторам. До чего же противные типы!

Он вошёл в главную лабораторию и окинул взглядом десятки компьютерных мониторов. На столах громоздились микроскопы, колбы, банки и прочая ерунда. Сам

великий учёный восседал на круглом табурете и обтачивал пилочкой ногти.

— Как всегда в работе? — усмехнулся Джек.

Ксенобиолог вздрогнул, покраснел и спрятал пилочку в карман.

— Вы опоздали! — буркнул он. — Я тут с ума схожу от нетерпения.

— Да, я заметил, — парировал Джек. — Может, расскажете, что это за планета такая и с чем её едят?

Пресли громко хмыкнул, так как терпеть не мог фамильный юмор. Особенно, если тот исходил от главы корабельной охраны.

— Вы что, не получили информацию, которую я вам выслал ещё перед отлётом? — спросил Пресли. На круглом лице появилось удивление. Чем-то Пресли напоминал поросёнка, не только носом в форме пяточка и грузным телом, но и манерами.

— Там была краткая сводка, — ответил Джек. — А сейчас мне требуются точные сведения. Я не собираюсь спускаться на незнакомую планету, о которой ни черта не знаю.

Ник сложил губы бантиком, что означало крайнюю степень раздражения. Схватил со стола ближайшую клавиатуру, не заметив чашку с кофе. Раздался всплеск, нервный вскрик и тихий смех Дениелса.

— Что за напасть такая! — запричитал Пресли, весь халат которого был заляпан тёмными пятнами. — Это всё из-за вас, идиот вы армейский!

— Чего? — разозлился Джек, сжимая кулаки. В защитном костюме это получилось бы эффектной. — Слышишь, ты, наглая, самовлюблённая...

— Спускайтесь лучше на грунт, и немедленно! — оборвал Пресли. — Данные я передал в ваш костюм. Я хочу как можно скорее приступить к исследованиям, а вы только всё задерживаете! Вы не представляете, что за неограниченный алмаз я нашёл! Это невероятная редкость! Да я...

— Опять двадцать пять! — Джеку захотелось сплюнуть, но он вовремя вспом-

нил, что на нём шлем. — Завёл старую пещенку, хлыщ...

— Что?! — взревел Пресли и вскинул маленькие наманикюренные ручки. — Я вам ещё устрою, лейтенант! Вот вернёмся домой — вылетите с моего корабля как пробка!..

— Вашего корабля? — нахмурился Джек. — Не забываетесь, профессор. Ваша драгоценная задница восседает здесь только потому, что кампания оплачивает ваши изыскания. Но стоит мне только заикнуться о том, что вы саботируете миссию...

— Вот и прекрасно! — парировал Пресли. — Вернёмся на базу — и заикайтесь сколько вам захочется. А пока будьте добры следовать инструкции! — Он развернулся и решительным шагом направился к выходу. — Как только приведу себя в порядок, жду вашего отчёта о прошедшей высадке!

Джек прикусил губу, пытаясь усмирить гнев. Так хотелось вмазать этой свинье надутый...

Но вместо этого Дениелс мысленно связался с компьютером, встроенным в шлем. На прозрачном колпаке, окружавшем голову лейтенанта, появилась короткая сводка о миссии. Джек быстро пробежался глазами по информации...

И его осенило! Он зло ухмыльнулся и схватил со стола одну из пробирок, наполненных янтарной жидкостью. Здесь Пресли держал бактерии, добытые на одной из посещённых планет. Это Джек знал точно, ведь он сам их добывал. А вот теперь...

— Я тебе устрою! — прошептал лейтенант, пряча пробирку в костюм. — Получишь ты у меня все премии, индюк надутый!

Спустя пару минут Джек уже спустился на каменистую поверхность планеты. Световой луч телепортатора — отличное изобретение, но уж очень ненадёжное. Из-за постоянных перепадов энергии устройство может отключиться в самый неподходящий момент. Слава богу, что предохранитель телепортатора не позволяет человеку распастаться на атомы при не-

достатке энергии...

Джек ощутил сильное давление на плечи. Сделал шаг вперёд и охнул. Сила тяжести здесь почти вдвое выше, чем на последних посещённых им планетах. Непривычно конечно, но терпимо.

Лейтенант оказался на широкой равнине, тянувшийся до самого горизонта. Лишь издали выглядывали склоны высоких гор, с одной из которых к небу поднимался тёмный дым. Разведчики не соврали — мир здесь только зарождался, вулканическая активность была низкой, но вполне агрессивной.

Сзади доносился ровный рокот волн. Джек оглянулся и присвистнул. Океан! Хотя удивляться было нечему, он же знал о месте телепортации. Просто Джек ещё ни разу не встречался с безжизненным морем воды.

Да, если данные не врал, на планете жизнь отсутствовала. Людям ещё не попадались такие планеты. С полным присутствием воды, кислородно-азотной атмосферой и мягким климатом. Но без жизни, здесь нет даже элементарных одноклеточных бактерий. Почему? Да потому что жизнь здесь только должна зародиться. Вот почему Пресли так обрадовался. Открыть такого рода планету уже было сенсацией. А пронаблюдать за зарождением жизни, задокументировать, а потом показать репортаж... вот за это можно отхватить огромный кусок пирога по имени Слава. Сумасшедшие, просто огромные премии — вот самое малое, чего мог достичь ксенобиолог!

Но Джек не мог позволить этому напыщенному хлыщу стать мировой знаменитостью. Джек подошёл к самой кромке воды. Здесь волны не могли накатывать на берег, их останавливала каменистая скала. Вода внизу бурлила, пенясь и приобретая зеленоватый оттенок. Джек вновь ухмыльнулся. Полюбовался голубым безоблачным небом, начинавшим окрашиваться в золотистые цвета. Солнечные блики появились вдалеке на поверхности океана.

Наступало утро. Джек просунул руку в карман и нащупал продолговатую поверхность пробирки.

— Лейтенант! — закричал в шлеме голос Пресли. — Вы уже на месте! Докладывайте! Чего молчите до сих пор? Моя команда уже заждалась...

— Заткнись, приятель! — грубо оборвал его Джек. — Я по твоей милости должен был целых две минуты торчать в камере на полной дезинфекции!

— Ох, простите меня! — иронично продекламировал Пресли. — Но вы прекрасно знаете, что мы не можем рисковать. Если хотя бы одна бактерия попадёт на поверхность планеты... Я даже боюсь представить, что случится!

«Зато я могу!» — подумал Джек. — «Ты лишишься монополии на величайшее открытие в истории и над тобой будет смеяться весь корабль!»

— Мы не должны загрязнять этот девственный мир, — продолжал реветь в наушник Пресли. — Наши учёные могут первыми в истории увидеть момент зарождения жизни! Никто о таком и мечтать не мог! Так что немедленно высылайте отчёт! Я хочу спуститься на планету!

— Дайте мне пару минут, — буркнул Джек и мысленно отключил связь.

Достал пробирку и несколько секунд вертел в руках. Откупорил колпачок пальцем и протянул руку над водой.

— «И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя, дерево плодотворное, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так» — громко провозгласил Джек. В детстве он заучил некоторые места из святой книги наизусть. Благо, родители у него люди верующие. — А я скажу просто: Да будет жизнь!

С этими словами он вылил содержимое пробирки в пенящиеся волны. Янтарная жидкость, содержащая миллионы бактерий, влилась в безжизненный океан.

— И сказал Бог: да будет так! — произнёс Джек. — И был день первый, небо

окрасилось в золотой цвет, и злой свинтус Пресли получил по заслугам!..

Джек вспомнил, как много лет назад воевал на дальних колониях. О несчётных человеческих жизнях, которые забрал тогда. О невыносимой жестокости и полному безразличию к природе. Теперь он всё испытал.

Джек не чувствовал себя Богом. Ни одному человеку никогда не стать Творцом Всего Сущего. Но он Первый после Бога сотворил жизнь на целой планете...

— Дениелс! — раздался визг в шлеме. — Сукин ты сын! Отвечай! Что происходит? Наши сенсоры зафиксировали обширное загрязнение воды возле тебя!..

— Сам ты грязь! — выругался в ответ Джек. — Поднимайте меня на корабль! Больше нам здесь делать нечего.

— Что ты сделал?! — продолжал орать обезумевший от ярости ксенобиолог. — Ты лишил нас Открытия Века! Да я тебя...

Джек вновь отключил связь, на этот раз без возможности включения с обратной стороны, и всунул пробирку обратно в карман. А вынимая руку обратно, по неосторожности выронил небольшой болт. Тот упал в воду и скрылся в глубине. Наверное, остался с предыдущих ремонтных работ. Ничего. Это ерунда! Джек, глядя прямо перед собой, думал о том, что сейчас происходит в воде. Пройдёт ещё много тысяч лет, прежде чем одноклеточные бактерии эволюционируют в многоклеточных. Миллионы лет потребуются, чтобы сформировались сложные организмы. И миллиарды до того, как первые разумные существа выйдут из пещер и откроют для себя огонь и колесо. И никто из них никогда не узнает, что своими жизнями они обязаны отставному лейтенанту Джеку Дениелсу.

Томас Смит искал сигару в ящике стола. Одной рукой держал потрёпанную книжку, а другой рассеянно шарил среди

всякой ерунды. Он дочитывал очередной детектив, сюжет был чем дальше, тем запутанней. Кто же убийца? Мать-одиночка, решившая покончить с бедной миллионершей-старушкой? Либо внук старушки, тихий и замкнутый юноша, с добрыми глазами первородного маньяка? Лично Смит ставил на мать-одиночку. Обычно так и бывает во второсортных детективах...

Пальцы нащупали сигару и поднесли ко рту. Смит с минуту жевал сигару, поглощённый бурным развитием сюжета. И лишь громкий стук в дверь отвлек его.

— Да! — громко отозвался Смит. — Можете входить.

В кабинет вошёл чернокожий начальник отдела кадров, Дэниэл Мавро. Смит, едва удостоив его взглядом, достал из шкафчика гильотинку и отрезал кончик сигары. Просунул руку в верхний карман пиджака и вынул зажигалку. Пару раз щёлкнул пальцем и запыхтел сигарой. Вдохнул приятный дым и с удовольствием растянулся в кресле.

— Мистер Смит, — откашлявшись, начал Мавро. — У меня к вам неотложное дело...

— Если ты по поводу повышения зарплаты этим лентяям, — скороговоркой произнёс Смит, — то можешь развернуться и закрыть за собой дверь! Мы уже сто раз обсуждали, в кампании нет лишних средств...

— Нет, здесь вопрос более щекотливого свойства, — протянул Мавро. — Ребята недовольны, конечно, но всё же работают в поте лица.

— Я ничего не могу с этим поделать! — развёл руками Смит. — Мне, как заместителю директора иногда приходится принимать тяжёлые решения. Ты прекрасно знаешь, что с открытием новой трубки у наших соседей конкуренция резко возросла. А мы и так едва сводим концы с концами. Сколько мы добыли камней в этом году?

— Но это не вина рабочих! — воскликнул Мавро. На его простодушном лице по-

явилось уверенное выражение. — Наши шахты истощаются с каждым днём, а на открытие новых месторождений требуется время и дополнительные средства...

— Дополнительные средства! — фыркнул Смит. — Да сколько раз говорить: нет у нас их! Лучше бы починили наконец кондиционер, а то проклятая жара совсем доконала!

Смит резко мотнул сигарой, стряхивая пепел. Он был очень зол.

— Ребята кое-что нашли в породе, — произнёс Мавро, стараясь говорить спокойно. Но голос дрожал. — Я решил принести это вам...

Он вытащил из кармана брюк камень и положил его на стол перед начальником.

— Это что ещё за дрянь? — недовольно поморщился Смит. — Ты мне теперь камни со двора таскаешь?

— Это кусок кимберлитовой породы, — невозмутимо ответил Мавро. — Внутри мы обнаружили кое-что невероятное.

— Алмаз размером с мяч для гольфа? — усмехнулся Смит. — Если это всё розыгрыш, Мавро... я тебя...

Взгляд Смита приковал торчащий металлический болт. Смит нахмурился, взял свободной рукой камень, повернул несколько раз и поднял брови.

— Что за хрень? — наконец буркнул он. — А твою ж...

Сигара уже лежала в пепельнице, а Смит изучал ржавый болт, буквально вросший в камень. Похоже, что когда шахтёр долбил киркой по кимберлиту, один кусок раскололся и обнажил удивительную находку.

— По данным геологов, этой породе три миллиарда лет! — радостно сообщил Мавро, и его толстые губы раздвинулись в улыбке. — Если это не причуда природы, то...

— Хотите сказать, что болт старше, чем даже жизнь на планете? — оборвал Смит. Тупицей он не был, благо, без Гарварда в престижные алмазодобывающие кампании Южной Африки не берут. — Это просто смешно! Вы в курсе, что в то время не было

ни воды, ни воздуха, а один вулканический пепел? Да и какой металл может сохраниться при сверхвысоких температурах? Или вы не знаете, как образуются алмазы?

— Нам нужно связаться с прессой! — зачастил Мавро. — И с учёными, чтобы они вытащили его и провели более тщательный анализ! Это ведь сенсация! Если мы сможем доказать искусственное происхождение объекта...

— Так, так! Стой! — одёрнул его Смит. — Ты чего ещё задумал?

Мавро непонимающе уставился на начальника.

Смит молчал. Ему не нужно было никакой огласки. Не хватало ещё, чтобы за месяц до конца контракта кто-то из прессы решил сунуть нос куда не надо. Нельзя светиться, слишком рискованно! Могут устроить внезапную проверку, налоговики найдут много пробелов в закладных бумагах... И придётся ещё сесть в здешнюю тюрьму из-за какого-то дурацкого булыжника!

— Хочешь нас опозорить? — бросил Смит. — Чтобы над нами потешалась вся страна, а то и мир? Три миллиарда лет! Ты хоть представляешь, что за чушь молотишь?

— Но, сэр... — с опаской возразил Мавро. — Мы же можем просто проверить...

— Никаких «мы»! — рявкнул Смит. — Возвращайся к делам! Мне нужна новая партия рабочих к концу недели! И плевать я хотел, где ты их найдёшь! Пошёл вон!

Мавро как ветром сдуло. Оставшись один, Смит облегчённо вздохнул. Посмотрел на камень и хохотнул.

— Три миллиарда лет! Болт, что — принадлежал Господу Богу? Или пришельцам с далёких звёзд? Лучше бы алмазов подбросили!

С этими словами он ловко закинул камень в урну. Затем открыл закладку в книжке и стал дочитывать детектив. Это куда интереснее, чем слушать всякий бред.

Алекс Шварцман

ЦЕНА ПРЕДАННОСТИ

— Господин Тобин, тут Цикада ожидает вашей аудиенции.

Элстэр Тобин, полномочный посланник Земли в Галактическом Союзе, был более чем удивлён. За последние восемь лет своей службы на Центральной Союзной станции он мог по пальцам одной руки пересчитать число визитов в его офис. А в остальных редких случаях, по какому-либо делу с землянами, ему просто отправляли сообщение. Так что появление здесь члена одного из самых старших и влиятельных фракций Союза было беспрецедентным.

— Пригласите его, — ответил Тобин по системе внутренней связи.

Вошел инопланетянин. Он был маленького роста, полноватый, тонкие, покрытые жилками крылья были плотно сложены, но всё же немного выступали из-за спины.

— От имени человечества приветствую вас! — нарочито бодрым голосом воскликнул Тобин. — Вы оказываете нам честь своим визитом.

Стеновая панель, переводя традиционное приветствие на родной язык посетителя, издала ряд высоко-тональных звуков.

— Благодарю. От имени Союза, для меня честь находиться здесь, — сказал Цикада.

«От имени Союза!» Тем самым посетитель подчеркивал, что он находится здесь по официальным делам Союза, а не как представитель интересов своей собственной расы.

А Цикада, безо всякого вступления, уже продолжал:

— В последнее время те, кто вас сюда направил, стали очень нетерпеливы. Они хотят всё больше доступа к базе данных Союза.

Не будучи уверенным в намерениях посетителя, Тобин, осторожно подбирая слова, ответил:

— Непросто быть слабейшими из самых слабых.

Галактический Союз содействовал обмену произведениями искусства и технологиями между разумными расами. Каждая раса вкладывала свои лучшие достижения во всех областях, от физики и философии до музыки и архитектуры. Членам Союза было позволено приобретать знания других рас, но только основываясь на ценности их собственных вкладов. Это было большим местом как для Тобина, так и вообще для всех землян. Будучи одним из самых младших членов Союза, Земля могла поделиться совсем маленьким количеством знаний. Следовательно, и в обмен она получала совсем немного научных чудес.

— К чему спешка, — сказал Цикада. — Разве мы не обеспечили вас самым необходимым?

— Обеспечили. Мы очень благодарны за предоставленные Союзом лекарства и

сельскохозяйственные технологии. Мы избавились от самых страшных недугов и победили мировой голод. Но поймите, человеческий род амбициозен и нетерпелив. Наша невозможность получить достаточно доверия для получения новых технологий, — Тобин подыскивал подходящее слово, — очень сильно разочаровывает нас и подрывает веру в быстрое решение проблем.

— Существует одна потенциальная возможность, которая однозначно подойдет состязательному менталитету ваших сограждан, — сказал Цикада. — Союзу нужны миротворцы.

— То есть солдаты? — спросил Тобин. — Прошу прощения, но нам неоднократно повторяли, что межрасовой войны ни разу не было, её не было даже до образования Галактического Союза, 500 тысяч лет назад.

— Да, и действительно, — сказал Цикада, — в документированной истории подобных столкновений не происходило. — Но только до сегодняшнего дня!

После многих лет пребывания в Союзном Центре, к земной силе тяготения пришлось привыкать заново. Он находился в центре зала, переполненного самыми влиятельными людьми планеты, и это никоим образом не помогало ему акклиматизироваться. Тобин едва передвигался, его ноги противились тащить на себе дополнительные 30 фунтов.

— Так говорите, мистер Тобин, — сказал президент Китая, — что Галактический Союз хочет использовать нас, землян, как пушечное мясо.

— До этого не должно дойти, сэр, — быстро возразил Тобин. — Они всего лишь просят нас защитить несколько планет — предполагаемых объектов нападения. К тому же есть надежда, что уже одна только демонстрация силы сможет предотвратить агрессию.

— Тогда почему бы им самим не сделать этого, — президент Бразилии пробурчал

достаточно громко, чтобы быть услышанным всеми участниками ассамблеи.

— Потому что когда дело дрянь, а так несомненно и будет, — сказал президент России, — земляне достаточно жёстки для того, чтобы одержать победу. У большинства же других рас нет для этого хребта. Иногда его нет в прямом смысле слова.

— Надо признать, что нас попросили о помощи именно потому, что человечество ещё до конца не искоренило все свои насильственные инстинкты, — сказал Тобин. — Это их слова, не мои. К тому же, мы не единственные, кто вовлечен в эту операцию. У нескольких других молодых рас также попросили о содействии, в основном по тем же самым причинам.

— Это невероятно опасное предложение, — сказал президент США. — Нас просят вступить в войну против агрессивной инопланетной расы, чего, я хочу отметить, прежде никогда не происходило. Что если они решат напрямую разделаться с нами и нападут на Землю?

— Это исключено, — сказал Тобин. — Та конкретная цивилизация, которая вызывает у Союза беспокойство, расположена в совершенно противоположном от нас секторе галактики. Ученые Союза гарантируют, что у возможных агрессоров нет техники, способной преодолеть такие расстояния. Это ещё одна из причин, по которой нас попросили о помощи.

— Как и та, что наши собственные технологии едва ли дотягивают до стандартов Союза, — заметил бразилец.

Действительно, человеческие технологии, предназначенные для космических полётов, хотя и были кое-как приняты Союзом, не шли ни в какое сравнение с аналогичными технологиями большинства других рас. Тобин был переправлен в Союзный Центр на Эллерийском космическом корабле. На корабле землян на это ушло бы двадцать лет.

— Вот именно, — сказал Тобин. — Союз организует перелёт и, кроме того, поделится с нами кое-какими любопытными

Алекс Шварцман, американский писатель-фантаст. Родился в Одессе. Автор ряда рассказов, опубликованных в США, Великобритании и других странах Европы. Подробнее см. на стр. 34

устройствами, которые будут необходимы для выполнения миссии. А в случае успеха мы сможем добиться огромного доверия в получении доступа к информационной базе Союза. Всего за несколько месяцев мы осуществим технологический прогресс, на который уходят сотни лет.

— Звучит заманчиво, — заметил президент Китая. — И, тем не менее, какое количество землян мы должны отправить на смерть в обмен на это?

Совещание обещало быть долгим...

К тому времени, когда оборонительные силы землян прибыли на первую указанную планету, было уже слишком поздно. Генерал Амадоу Колингба, прославленный ветеран Большой контртеррористической операции в Таиланде и второй Иранской войны, стоя на холме, осматривал поселение местных жителей. Вернее, то, что от него осталось. Поселение было разрушено взрывом, нанесенным с орбиты, и практически полностью уничтожено. Всё, что осталось, это тлеющие каркасы зданий и взрытые дороги. Не осталось ни одного выжившего. Генерал, выросший в Центральноафриканской Республике и повидавший всякое, был потрясён увиденным.

— Прошу прощения, сэр, — обратился к нему адъютант. — С вами хочет говорить задержанный. Он утверждает, что явился добровольно. И он не местный житель, а посланник вероятного противника.

Генерал обернулся. Посланник был двуногий, ростом около пяти футов, и отдаленно напоминал гуманоида. Глядя на него, генералу сразу вспомнились яйцеголовые инопланетяне из научно-фантастических ТВ-шоу прошлого века.

— Мое имя Ки'Ртаа и мой народ называется Н'Га, — сказал гуманоид. — Как я понимаю, вы командир армии Землян.

Ничего не отвечая, генерал внимательно посмотрел на Ки'Ртаа. По словам стратегов Союза, Н'Га не должны были знать о

существовании землян, ни тем более быть подготовленными к их прибытию. Генерал постарался ничем не выдать своего удивления, но гуманоид тем не менее сказал:

— Судя по вашей реакции, позвольте предположить, что вы приведены в замешательство моим знанием вашей расы и способностью говорить на вашем языке.

И в самом деле, подумал генерал, а ведь посланник обходится без устройства перевода.

— Не беспокойтесь, пожалуйста, — продолжал посланник. — Мы не собираемся открывать против вас никаких нежелательных действий. Мы, напротив, намерены предложить вашему народу альянс.

— Похоже, что альянс не умел успеха для тех ребят, — сказал генерал, указывая на руины внизу.

— Н'Га не предлагали альянс основанному здесь колонии народу Шезраат, — ответил посланник. — Более того, несмотря на предостережения против посягательства на нашу территорию, они приняли решение колонизировать её. Наши последовательные атакующие действия были вызваны их выбором.

Генерал неопределённо пожал плечами и опять подумал: «Без устройства перевода? Да этот ублюдок говорит на английском лучше меня!» После чего ещё раз посмотрел вниз, на уничтоженное поселение, и сказал:

— Не было необходимости уничтожать их. Здесь поблизости много пригодных для жизни планет. Едва ли есть смысл нападать на какую-либо из них.

— Именно такую пропаганду Галактический Союз использует для оправдания своей стратегии, — сказал гуманоид.

— Как и ваша раса, Н'Га недавно присоединились к Союзу. Нам посчастливилось быстро раскрыть важные секреты, которые хранили старшие расы. В знак своих честных намерений мы готовы поделиться с вами большей частью этой информации.

— Продолжайте, — сказал генерал Колингба настороженно.

— Главное, что вам необходимо знать, это то, что пригодные планеты, которых на

данный момент достаточно много, едва ли так неисчерпаемы, как вас в этом заверяет Союз. Статистические модели показывают, что все жизнеспособные планеты нашей галактики будут колонизированы уже в ближайшее тысячелетие, так как космическая колонизация работает по принципу роста в геометрической прогрессии. Каждая основанная сегодня колония разрабатывает ресурсы и растит население, которое будет тут же использовано для колонизации всё новых и новых планет. Таким образом, если Союзу удастся отсрочить хотя бы на несколько лет экспансию подобных вам видов, это, в итоге, обойдется вам в тысячи колониальных планет.

Колингба молчал. Ки'Ртаа указал на разрушенное поселение:

— Такие расы, как Шезраат и Цикады, расширяют Союз для того, чтобы извлечь максимальную выгоду из младших рас и присоединить как можно большее количество планет. А в это время они кормят нас лишь крошками имеющихся у них технологий. Узнав всю правду, мой народ не стал терпеть. Мы объявили нашу зону космоса закрытой для колонизации другими расами. Союз отказался признать наше заявление, и вот мы здесь, вынужденные любым способом защищать свою территорию.

Колингба понимающе усмехнулся.

— В Союзе у нас есть несколько сторонников, — продолжал Ки'Ртаа. — Благодаря им, мы узнали о том, что Союз планирует обманом вовлечь молодые расы в войну против нас. Вместо этого я надеюсь убедить вас вступить с нами в альянс. Ведь это же так логично!

— Возможно, возможно, — сказал генерал. — Но у меня нет полномочий на заключение подобных соглашений. Я могу только передать ваши предложения своему начальству.

Тобин посещал этот кабинет лишь второй раз в жизни. Первый раз это случилось,

когда он был назначен посланником Земли в Союзе. Тогда он, в знак поощрения, был удостоен короткой встречи с шефом своего шефа и рюмки оглушающе дорогого коньяка. Кабинет Генерального Секретаря с той поры почти не изменился, если не считать того, что на этот раз Тобина не угощали ни выпивкой, ни теплыми словами.

Секретарь Сингх расхаживал напротив огромного, выходящего на Манхеттен окна.

— Я в вас весьма разочарован, Тобин, — говорил он. — В последнее время вы слишком докучали нам своей персоной, распространяя дезинформацию и сея разногласия там, где этого делать не следует. — Сингх был не на шутку разгневан. — Говорят, что после того, как вам не назначили встречу с послом Франции, вы перехватили его у дома его возлюбленной. Вы ведете себя как какой-то лоббист или, хуже того, как журналист-фрилансер. Такое поведение заходит очень далеко за пределы вашей компетенции.

— При всём уважении к вам, господин Генеральный Секретарь, — сказал Тобин, — я должен заметить, что суть рассматриваемого вопроса совершенно точно входит в мою компетенцию. Принимаются решения, которые повлияют на взаимоотношения Земли со всеми остальными разумными расами всего обозримого космического пространства. Взаимоотношения, по которым, нравится вам это или нет, я являюсь вашим ведущим экспертом. Я убеждён, что мы двигаемся в очень опасном направлении. И я поговорю с максимально возможным количеством политиков для того, чтобы они это поняли.

— Принятие решений — это наше дело, — отрезал Сингх. — Ваше дело — это впоследствии представить их в положительном свете. Вы не имеете права оказывать влияние на стратегию, и, само собой, не имеете права срывать мирные переговоры.

— Мирные переговоры? Когда Н'Га попросили нас любезно держаться подальше от их космического пространства, это

были действительно мирные переговоры. Когда Земля согласилась отступить и не вмешиваться в завоевания Н'Га в их собственном секторе галактики, это тоже можно при желании назвать мирными переговорами. Но предоставление военного снаряжения и тыловой поддержки в их войне против Союза в обмен на какую угодно технологию из тех, что их тайные союзники могут украсть с базы данных Союза — это уже никто, даже политик, не сможет назвать мирными переговорами!

Как ни странно, этот выпад Тобина вовсе не разозлил Сингха, а, даже наоборот, успокоил его.

— Я вас не понимаю. В ваших докладах вы годами жаловались на то, как медленно и с какой неохотой Союз снабжает нас какой-либо полезной информацией. Как незначительно положение Земли в галактике. А вот теперь, когда Н'Га хотят видеть нас равными себе и поделиться с нами значительно большим количеством технологий, вы воротите перед ними нос.

— Я не доверяю им, — сказал Тобин. — Этот Ки'Ртаа словно какой-то дьявол. Он всё глубже и глубже втягивает нас в опасную авантюру. Хотя Союз и не предоставил нам лёгкого пути, но в не в такой уже и отдалённом будущем нас ждут очень хорошие и, главное, абсолютно гарантированные и легальные результаты.

— Возможно, вы провели слишком много времени вне земной цивилизации, — сказал Сингх. — Рука об руку с инопланетянами. Всё больше склоняясь к их убеждениям. Но, я надеюсь, вы помните о вашей истинной преданности, когда дело касается основы основ.

Тобин посмотрел главе прямо в глаза:

— Мы можем расходиться в методах, сэр, но будьте уверены в том, что наши с вами цели и приверженности одни и те же. Я сделаю всё необходимое для защиты интересов Земли. Всегда.

— Это, — Тобин поставил маленький чемодан на свой письменный стол, — то, что мы называем Троянским конем.

Вернувшись в свой офис в Союзном Центре, Тобин попросил Цикаду о встрече, и тот согласился. Теперь Цикада посмотрел на чемоданчик, смущённо улыбнулся и признался:

— Не могу вспомнить значение.

— Это военная стратегия из прошлого моего народа, — сказал Тобин. — Она подразумевает собой тайное размещение оружия в опорном пункте врага с целью последующей атаки изнутри. В данном случае, это бомба, мощности которой будет достаточно для уничтожения Союзной станции. Возможность использовать меня, сторонника Союза, для доставки бомбы на борту корабля, моему начальству показалось очень надёжным и в то же время простым способом.

Цикада осмотрел чемоданчик.

— Вы намереваетесь взорвать её? — спросил он.

— Свою карьеру я начал в вооружённых силах, — сказал Тобин. — Начальство всегда могло рассчитывать на моё чёткое исполнение любых их приказов, независимо от моих личных убеждений. — Тобин пододвинул чемоданчик к Цикаде. — Но не в этот раз. Бомба настроена на мою ДНК, и механизм не сработает, пока я не буду на достаточно безопасном расстоянии от Центра. Я останусь здесь столько времени, сколько потребуется вашим экспертам службы безопасности, чтобы обезвредить механизм. Тем временем, вам следует знать ещё кое-что.

Тобин говорил долго, подробно излагая процесс растущего союзничества землян с народом Н'Га. Он рассказал о том, как Ки'Ртаа соблазнял их заманчивыми технологиями, и как среди правителей землян всегда были готовые переступить черту. Как правительство Земли согласилось содействовать уничтожению Союзного Цен-

тра в обмен на роскошный дар — копию всей базы данных Союза.

— Пожалуйста, поймите, — продолжал он, — большая часть людей моего мира не замешана в этом заговоре. Подавляющее большинство даже не знает о существовании Н'Га. Небольшая группа наших правителей соблазнилась их красноречивыми заявлениями. Но большинство землян были бы потрясены, узнав о том, во что ввязывается наше правительство.

Цикада пристально посмотрел на землянина.

— Посланник в Союзе — это очень важная должность. Кандидаты на этот данный пост проходят тщательный отбор. Я уверен, что ваши руководители, посылая сюда вас, не сомневались в вашей благонадежности. Почему же вы решили не оправдать их доверия?

В последнее время Тобин ни о чем другом и не мог думать.

— Я совершенно предан человечеству, — сказал он уверенно. — И в то же время я убеждён, что наши правители и есть те, кто своими опрометчивыми поступками предаёт всех нас. После восьми лет в Союзном Центре, я не сомневаюсь, что Союз является именно тем, за что себя выдает — главной силой по установлению мира и стабильности в нашей галактике. Чего бы это ни стоило мне и моему народу, я не собираюсь становиться свидетелем его уничтожения.

— Поздравляю, — сказал Цикада. — Вы выдержали испытание. Хотя ваши правители и провалили экзамен, но по крайней мере один землянин с ним справился. Землянин, на которого была возложена огромная ответственность. Поверьте, это многого стоит.

— Экзамен? — удивленно спросил Тобин. — Что вы имеете в виду?

— Видите ли, господин полномочный посланник, Н'Га — это преданный член Союза, и они никогда не поднимали мятежа. Они показали вашему народу какие-то руины, рассказали какие-то сказки. Вы поверили в то, во что сами хотели поверить.

— Но, — громко воскликнул Тобин, — зачем вам было это делать?

— Как я сказал, это был экзамен. Экзамен на преданность. Как только молодая раса готова, мы открываем ей повышенный доступ к базе данных Союза. И тогда значительно больше технологий оказываются у неё в распоряжении. Мы должны быть уверены, что такая мощь не попадет в руки тех, кто ещё не готов ею обладать. Таким образом, каждая из рас подвергается испытанию, чтобы узнать, посмеют ли они поставить свой собственный прогресс выше благополучия Союза. Н'Га сдали свой экзамен на преданность всего несколько десятилетий назад. Теперь пришла очередь землян. И пока что они проявили себя с худшей стороны. До вашего лично поступка — мужественного поступка, который отчасти спас вашу расу.

— А что бы произошло, если бы я хранил молчание?

— Лучше вам этого не знать, — твердо ответил Цикада.

— А сейчас?

— Сейчас у землян появился ещё один шанс. Мы испытаем их снова, через какое-то время. А пока, для ваших правителей, взрывное устройство почему-то не сработало. Или исчезло. Вы даже представить не можете, как это случилось!

С этими словами Цикада быстро, едва уловимым движением взял чемоданчик и прижал его к себе.

— Мы ещё подумаем, — продолжал Цикада, — как лучше им это преподнести. Затем до них дойдет известие о том, что Н'Га были разбиты другими молодыми расами. Земля останется младшим членом Союза и будет продолжать переживать из-за того, что ей достаётся так мало новых технологий и информации. Но однажды вы получите ещё один шанс, чтобы доказать, что вы повзрослели.

На лице Цикады отобразилось нечто вроде любезной улыбки, затем он легонько перегнулся в поясе и вышел, смешно побалтывая чемоданчиком.

Дверь за ним закрылась, стало очень тихо. Элэстэр Тобин, предатель челове-

ства и его спаситель, сидел один в своем офисе в Союзном Центре. Ему оставалось лишь поверить в то, что лучшие ангелы человечества в следующий раз одержат победу. Земляне сдадут следующий экзамен и реализуют свой полный потенциал. Но до этого было ещё несколько томительных десятилетий ожидания.

Перевела с английского Елена Деревянко

Микро-интервью «Вопрос-ответ»

«Космопорт»: Алекс, только что мы познакомили наших читателей с переводом Вашего рассказа, в оригинале написанном на английском. Но ведь вы долгое время и сами не знали английского, не так ли?

Алекс Шварцман: Да, действительно, я ведь родился и вырос в Одессе, и мой родной язык — русский. Ещё ребенком, я читал переводные рассказы Шекли, Гаррисона, Силверберга и других фантастов, и мечтал, что однажды, подобно им, буду писать об инопланетных космических кораблях и далёких звёздах.

Литературный труд всегда интересовал меня. Я хотел стать журналистом. Когда мне было 12 лет, я начал сочинять свой первый, нескладный, конечно, фантастический рассказ. На русском. Но жизнь не всегда идет по плану — когда мне было 13 лет, моя семья иммигрировала в Соединенный Штаты, я стал учить новый язык. Уже через полтора года мой уровень английского был достаточен для прочтения книги. Это был «Звёздный волк» — классическая космическая опера Эдмонда Гамильтона. Тогда это было для меня большим достижением. Мне, как читателю, открывались целые новые миры! Но я тогда даже и не надеялся овладеть английским до такого уровня, чтобы самому стать писателем. К счастью, я ошибался, пусть даже для осуществления мечты понадобилась много лет

— мне было 34 года, когда я написал и продал свой первый рассказ.

Даже спустя все эти годы, создание произведений на английском преподносит мне немало проблем. Так, например, я должен быть предельно внимателен в отношении грамматики и временных структур. Иногда мне кажется, что для создания складного и качественного произведения я должен трудиться больше, чем мои друзья — урожденные носители английского языка. Но у меня есть и преимущества. Знание двух языков позволяет мне использовать всё богатство идиом, слов-ассоциаций и традиций повествования английского и русского языков одновременно, что придает моим произведениям уникальное звучание — то качество, для достижения которого обычно уходят многие годы практики.

С начала моей писательской карьеры уже более 50 моих рассказов были опубликованы в различных американских и английских журналах, переизданы и изданы в оцифрованном формате по всему миру, и переведены на полдюжины европейских языков. Но возможность читать этот конкретный перевод представляет для меня особенную ценность. Он возвращает меня на 30 лет назад, в небольшую квартиру в Одессе, в которой маленький читатель, поглощенный книгами, слишком поздно ложился спать.

Хочется верить, что тому юному «мне» так же сильно понравились бы рассказы, которые я пишу сейчас.

Олег Мельников Переписка

1. Лейтенант-администратору Ключугу, Планета Тормас.

Прошу Вас срочно рассмотреть вопрос о переводе планеты Тормас из категории «разумных планет» в категорию «ограниченно-разумных». Напоминаю Вам, что более 80% планет нашего Содружества перенаселены, и новые пригодные для колонизации планеты вряд ли найдутся. Перевод планеты из одной категории в другую позволит на некоторое время сгладить жилищный вопрос. Кроме того, Тормас богат минералом альбетрином, существенно используемом при производстве вооружения, что немаловажно, учитывая напряжённую внутригалактическую обстановку.

Сейчас наиболее удобный момент для решения этой проблемы. По результатам

последних выборов в Палату представителей планет Содружества мы получили контролируемое большинство, в связи с чем голосование даст нужный результат. К сожалению, Конституция Содружества разрешает ставить вопрос на голосование только при согласии на это самой категоризируемой планеты. В связи с этим прошу Вас любым способом и в кратчайшие сроки получить необходимое согласие.

Главный генерал-администратор Администрации Правительства Содружества планет. Галактика, сектор 56Н09.

Прочитав полученное сообщение лейтенант-администратор Ключуг выругался про себя. Он давно понял, что должность администратора планеты Тормас не давала ему никаких шансов для карьерного роста: планета спокойная, не злобная, изучать себя позволяет, однако на контакты идёт неохотно. Ключуг по натуре не был честолюбив. Его полностью удовлетворила бы почти курортная жизнь на планете в окружении выводка детишек рядом с милой Ключей, которая должна прилететь в конце года.

Однако полученное письмо ставило эти планы под угрозу. Что значит любым способом получить согласие планеты? А если она не согласится? Тогда назначение Самым Младшим Администратором на какую-либо ледяную глыбу на окраине сектора. Никакая уважающая себя девушка не станет создавать ячейку в таких условиях.

Ключуг подошел к окну. Все было тихо и безмятежно. На горизонте лениво курился единственный на планете вулкан Коце-табл.

Олег Мельников родился в 1947 году. Доктор физико-математических наук, профессор БГУ, автор более 20 научных и научно-популярных книг. Живёт в Минске, Беларусь.

2. Планете Тормас.

Администрация Правителя Содружества планет уделяет большое внимание изучению и развитию планеты Тормас. За последние 5 лет построен малый космодром, открыта научная база по изучению планеты, уничтожены две свалки космического мусора в окрестностях планеты. К сожалению, несмотря на все желание Администрации, бюджет Содружества не выделяет больше денег на нужды планеты. Это объясняется отсутствием на планете Тормас разумных форм жизни, изучение и развитие которых поддерживают различные программы Содружества. В настоящее время в Содружестве открыта большая программа для ограниченно-разумных планет, в рамках которой предполагается выделение больших сумм для изучения и обустройства таких планет, очистки космического пространства в их окрестностях, установление мгновенной связи между планетами, организации семинаров с участием планет по обмену опытом функционирования. Предлагаем Вам рассмотреть вопрос о переходе планеты Тормас в ранг «ограниченно-разумных» планет. Обращаем Ваше внимание на то, что вопрос должен быть решён незамедлительно в связи со скорым заседанием Фонда Программы помощи ограниченно-разумным планетам.

С уважением,
лейтенант-администратор Ключонг.

Ключонг подошел к окну и рассеяно взглянул на любимый пейзаж. Здание администрации находилось в небольшом лесочке на границе пустыни и лесостепи. (Спасибо предыдущему лейтенанту-администратору, пошедшему на повышение. Правда, он был чьим-то племянником.) Из рабочего кабинета Ключонга открывался величественный пустынный пейзаж с вулканом на горизонте. Около здания пустыня была каменистой, потом постепенно переходила в песчаную. Несколько небольших песчаных смерчей тихо висели в нескольких километрах от здания, ритмично покачиваясь на

тонких ножках. Окна спальни выходили на небольшую лужайку, окаймленную симпатичными деревцами. Ключонг мечтал, что когда-нибудь они с Ключоней выведут своих потомков на прогулку в рощу. Места лучше вряд ли найти. Ключонг тяжело вздохнул и нажал кнопку передающего устройства.

3. Лейтенант-администратору Ключонгу.

Я, как разумная планета, с большим вниманием рассмотрела Ваши предложения и вынуждена от них отказаться. Меня не интересуют предлагаемые мероприятия, и мой настоящий статус меня вполне устраивает.

Хочу заметить, что на планете существует разумная жизнь, и если Ваши исследователи её до сих пор не нашли, то это показывает их квалификацию. Мыслящие бурболки, живущие в кратере вулкана Коцетабл, находятся на достаточно высоком уровне развития, у них уже существуют племенные образования. Но о своих разумных обитателях я позабочусь сама без всяких фондов и программ.

Понимая подоплеку Ваших предложений, предлагаю Вам тысячу тонн альбетрина в год. Остальные его запасы я собираюсь сохранить для потомков нынешних бурболок.

Планета Тормас.

Ключонг облегченно вздохнул. Только сейчас он понял, как испугался, подумав, что планета примет предложения. На миг лейтенант представил толпы нищих и наглых переселенцев, уродующих девственные земли Тормаса. А добыча альбетрина? Почему-то его находили только под деревьями. Ключонг представил вместо соседнего лесочка развороченный котлован и ужаснулся.

4. Главному генерал-администратору Администрации Правителя Содружества планет. Галактика, сектор 56Н09.

Докладываю Вам, что переговоры с планетой Тормас закончились. Несмотря на весьма выгодные условия, планета категорически отказалась переходить в ранг

«ограниченно-разумных». Оказалось, что на планете присутствует разумная жизнь в виде бурболок, живущих в кратере вулкана Коцетабл. Наши исследования лавового озера в кратере ранее были поверхностными ввиду высокой температуры и отсутствия специального оборудования. Возобновлённые ныне исследования предполагают действительную разумность бурболок, однако контакты с ними установить не удалось из-за незначительного срока их жизни, примерно 8-10 минут.

Тем не менее, мне удалось достигнуть значительного успеха в переговорах: планета согласна безвозмездно представлять Содружеству тысячу тонн альбетрина ежегодно.

Лейтенант-администратор Ключонг.

Конечно, лейтенант не стал говорить, что никаких переговоров не было. Планета не отвечала на последующие послания. Ключонг назвал тысячу тонн альбетрина большим успехом, но вряд ли так оценят эту мелочь в Администрации. Новые исследования заключались в рассматривании лавового озера в ионный бинокль (правда, мощный) со склона вулкана. Бурболки действительно существовали, но разумны они или нет, кто их знает.

5. Лейтенант-администратору Ключонгу, Планета Тормас.

Администрация Правителя Содружества планет оценивает Вашу деятельность как крайне неудовлетворительную. Вы будете отозваны с планеты Тормас и переданы суду Военного трибунала. Смягчающими обстоятельствами для трибунала, возможно, послужит Ваша деятельность в ближайшее время.

Сообщаю Вам, что Галактическая Империя затеяла на границе нашего Содружества большую провокацию, которая переросла в вооруженный конфликт. В настоящий момент Содружество находится в состоянии войны с Империей. Театр военных действий стремительно расширяется. Воспользовавшись этим, сепаратисты в секторе 56Н22

подняли мятеж и объявили о выходе из Содружества. Для борьбы на всех фронтах требуется современное вооружение, основанное на использовании альбетрина.

Администрации не может придерживаться устаревших правил и соглашений. Сейчас не до чистоплюйства. Через несколько часов на Тормас приземлятся военно-геологические корабли для срочной разработки месторождений альбетрина. Требую оказать всяческое содействие операции, а главное, указать наиболее перспективные места залежей минерала.

Помните, что от Ваших действий зависит Ваше будущее, а, возможно, и жизнь.

Главный генерал-администратор Администрации Правителя Содружества планет. Галактика, сектор 56Н09.

Ключонг подошел к запоминающему устройству и нажал аварийную кнопку. Память устройства стала безукоризненно чистой. Он похвалил себя за то, что задержался с последним отчетом в Администрацию. Исследовательская группа на планете недавно сменилась и новые сотрудники еще не знали мест залежей альбетрина. «Прощай, Ключоня, — подумал лейтенант. — Все равно нам не суждено быть вместе».

Ключонг услышал нарастающий гул. На планету садились военно-геологические корабли.

6. Лейтенант-администратору Ключонгу.

Зная Ваше отношение к межпланетным контактам, планета Тормас приглашает Вас, госпожу Ключоню, а также членов исследовательской группы в семью разумных существ планеты: разумных смерчей и разумных бурболок.

Планета Тормас.

Ключонг выглянул в окно. Пейзаж заметно изменился. На равнине появились новые холмы, из которых кое-где выглядывали части военно-геологические кораблей, засыпанных песком, принесенным разумными смерчами.

Виктория Балашова

ЛИФТ

Она надела очки. Мужчин, сидевших неподалеку было трое.

Джеймс Кларс, 35 лет. Из Глазго. Ай-тишник. Любит читать и футбол.

«Хорошенькое сочетание, — подумала Рита, — то, что этот высокий, рыжий, полный мужик любит футбол даже сомнения не вызывает. Но читать?! Он любит читать?!»

Не любит скучных людей и громкую музыку.

«А кто ж их любит, скучных людей-то», — Рита скривила рот в ехидной усмешке.

Раи Сайн, 30 лет. Из Дели. Парикмахер.

«И кого тут только нет», — Рита удивленно покачала головой.

Любит путешествовать. Предпочитает есть в кафе и ресторанах, дома не готовит. Не любит спорт и собак.

«Собаки мне по фигу, но животных всё-таки надо любить. Вообще. В целом», — Рита вздохнула.

Рядом с кудрявым, темноволосым индусом стоял самый симпатичный из всех.

Бэн Харрис, 36 лет. Из Лондона. Врач. Любит читать, бегать по утрам по парку и море. Не любит футбол, спорт и путешествовать. Домосед.

Бэн был среднего роста, с короткой темной стрижкой и голубыми глазами. Несмотря на нелюбовь к спорту, он был подтянут и даже немного подкачан. Рита сняла очки. Больше в Лифте смотреть не на кого. Либо это женщины, либо совсем уж молодые ребята, либо совсем уж ребята пожилые. Джеймс, Раш и Бэн единственные представляли для неё хоть какой-то интерес. Впрочем, представляли до того, как она надела очки. Сейчас из троих остался один — доктор. Шанс, что он подойдет к ней знакомиться, был мизерным. В этом деле Рите обычно не везло. Подруга говорила, всё упирается в отсутствие информации.

Зазвонил телефон. Рита полезла в сумку, пожалев, что не отключила его на время поездки.

— Рита, включи экран, — громко потребовала мать.

— Мама, тут полно народа. И в любом случае я могу выслушать всё, что ты мне хочешь сказать, не глядя на тебя.

— Включи экран, — как всегда создавалось впечатление, что мать её не слышит, — я вставила эти новые зубы, о которых я тебе рассказывала на прошлой неделе. У врача сегодня была грандиозная скидка для тех, кому надо поменять больше трех зубов! Включи экран, Рита!

— Я верю, что всё выглядит великолепно, — Рита старалась не раздражаться, — когда приеду, сразу тебе перезвоню и посмотрю. Сейчас экран доставать это целое дело.

На самом деле, экран достать было совсем не сложно. Но Рита знала свою мать — если они будут видеть друг друга, она не закончит этот разговор никогда. С не-

Виктория Балашова — автор двух романов, повести и нескольких фантастических рассказов. Лауреат премии имени Н. Я. Данилевского. Живёт в Москве, Россия.

видимым же собеседником мама долго говорить не могла. Конечно, большинство людей просто сразу включали экран, отвечая на звонок. Точнее, у большинства этот экран вообще не выключался. Безлимитная видео связь стала настолько дешевой, что дороже было не брать трубку.

— Для тебя всегда целое дело посмотреть на родную мать, — мама добавила в голос обиженных ноток, — не хочешь смотреть, не надо. А зубы хорошие. И тебе советую. Включила б экран и посмотрела.

— Я перезвоню, — Рита захлопнула телефон и засунула его обратно в сумку. Она снова посмотрела в сторону Бэна. Без очков он стоял как будто голый. На самом деле, на нем был черный костюм, голубая рубашка и горчичного цвета галстук. Узел на галстуке был немного ослаблен, что придавало его внешности ещё больше шарма. Рита не удержалась и опять надела очки. Кроме того, что она уже прочитала, появилась и другая информация.

Терапевт. Адреса кабинетов в Лондоне, Сизтле, Нью-Йорке. Номера телефонов. Стоимость услуг. Отзывы пациентов. Образование.

Дальше смотреть стало неинтересно. Краем глаза Рита заметила список друзей с их фотографиями у Раша. Казалось, список был бесконечен. Сбоку раскрывались папки с фотографиями самого Раша, отдохавшего в разных концах планеты. Рита сняла очки и посмотрела за окно. Мимо проплывали заснеженные горные вершины, ярко сияло солнце. На зеленых лугах в предгорье паслись полностью довольные жизнью коровы. Неожиданно вдали блеснуло море. Луга плавно перешли в морское побережье. Солнце светило по-прежнему ярко.

Рита предпочла бы увидеть тот пейзаж, мимо которого они на самом деле проезжали. Но владельцы Лифта твердо уверовали в то, что показывать людям надо красивые картинки с самыми разными видами, начиная с водопадов и кончая караванами верблюдов в пустыне. На любой

вкус и цвет. Не любишь горы — через несколько минут начнется море, не любишь море — скоро пойдут достопримечательности Рима. И всё это исключительно на фоне отличной солнечной погоды. Владельцы Лифта провели специальное исследование и выяснили, что никто из ими опрошенных не желает видеть дождь. Снег желательно только в горах. Ночь желательно в начале пути, если выехали рано утром и во второй половине путешествия, если выехали ближе к вечеру.

Рита отвернулась от открывшихся её взору морских просторов. Тем более, что на воде появились надписи, призывавшие отдохнуть в одном из отелей Средиземного моря. Реклама в Лифте стоила бешеных денег, но и плавучий отель не был дешевым.

Рита вновь посмотрела в сторону врача. Теперь он сел и начал читать ридер. Риту подмывало одеть очки и посмотреть, что он там читает. Но он, наверное, и так заметил её к нему интерес. Рита посмотрела в другую сторону. Джеймс явно играл в футбол, барабана, что есть мочи по экрану своего дивайса так, что мяч периодически отчетливо взлетал над его поверхностью. У дивайса был включен звук, поэтому каждый раз, когда мяч вылетал с поверхности экрана, прибор орал «аут!». Раш тоже достал планшетку и разглядывал какие-то фотки.

«Может быть, подруга права, — подумала Рита, — мне надо включить информацию о себе? Может быть, их действительно напрягает подойти и спросить, как меня зовут, сколько мне лет и чем я занимаюсь?» Отключение информации стоило ежемесячно немало. На работе её отключать не разрешалось. Сначала руководство требовало держать открытой лишь ту информацию, которая напрямую касалась работы: имя, должность, основные обязанности, стоимость оказываемых услуг, отзывы клиентов. Но потом сюда прибавили опыт работы, образование, семейное положение. В последнее время для того, чтобы создать клиентам ещё более рассла-

бляющую атмосферу, в списке оказались хобби, любимая музыка, книги и недавно просмотренные фильмы. Требуемые файлы росли не по дням, а по часам. Сотрудникам вменялось в обязанность следить за полнотой раскрываемой информации. Не найдя во время участвовавших проверок каких-то деталей, руководство фирмы тут же лишало провинившегося премии. Даже если этот провинившийся всю основную работу делал отлично.

Раньше Рита и очками пользовалась крайне редко. Но после того, как с ней познакомился один авантюрист, она поняла, что лучше всё-таки знать заранее, кто к тебе подходит знакомиться. Впрочем, наврать про себя можно было и в профайле. Но шансов нарваться, тем не менее, становилось в разы меньше.

— Извините, я могу узнать, как вас зовут, — голос рядом с Ритой прозвучал совершенно неожиданно. Она вздрогнула и обернулась. К ней обращался Бэн. — Извините, — снова повторил он, — я не хотел вас напугать. Просто у вас отключена информация. А я бы хотел пригласить вас на обед, если не возражаете.

— Рита, меня зовут Рита, — она не верила своим ушам. Врач решил с ней познакомиться! Прямо вот так, по старинке, спросив имя и пригласив в ресторан!

— Ну что, Рита, пойдёмте перекусим, ехать нам ещё долго, — Бэн показал рукой в сторону ресторана.

— Да, конечно, — Рита растерянно кивнула. Она взяла сумку и пошла за Бэном.

В ресторане народу было немного: в Лифте еда хоть и считалась качественной, но стоила непомерно дорого. Рита опять нацепила очки и быстро просмотрела меню. Бэн дотронулся до салата из креветок. Ритина рука проплыла в миллиметре от руки Бэна, выбрав тот же самый салат. «Это ещё ни о чем не говорит, — уговаривала себя она, — ну и что, выбрали одинаковый салат...»

— Давайте ещё возьмем гренки, — Бэн шлепнул по воздуху рукой два раза, — они

здесь жутко вкусные. И шампанского. Вы знаете, что в Лифте подают настоящее, из Франции?

— Как вы это определяете, — спросила Рита, прочитав надпись «шампанское брют».

— С тех пор, как Всемирный экономический совет запретил французам монополизировать название, кто только шипучку ни делает. Я как врач, вы же уже знаете, что я врач, — подмигнул он ей, — могу вас заверить, не вредит здоровью только шампанское из Франции. Я вожу с собой дивайс, определяющий место производства продуктов и напитков. Это последняя модель. Сейчас я вам покажу, как она работает, — Бэн достал из портфеля небольшой плоский прибор и прислонил к появившемуся к тому моменту на столе шампанскому. На экранчике высветилась сначала карта Европы, затем она начала укрупняться и в конце концов на экране осталась лишь провинция Шампань.

— Здорово, — кивнула Рита, — а я плюнула на это дело. Когда-то всё проверяла. А сейчас надоело. Покупаю всё подряд.

— Вы, я так понимаю, вообще недолюбливаете гаджеты, — Бэн улыбнулся.

— Не люблю, — Рита сняла свой салат с остановившегося возле них столика, — я даже ходила к психологу. Мама отправила, ещё когда я в школе училась. Понимаете, у меня психоз такой был — я всё отключала дома. Приходила домой и все приборы выключала.

— Ну и что психолог, — поинтересовался Бэн, — помог?

— Немного. Я могу теперь пользоваться гаджетами и дивайсами на работе, в ресторане. Даже, видите, очками пользуюсь.

— Но о себе информацию выключили?

— Да. Но на работе я вся свечусь, — Бэн засмеялся, — правда, правда. На работе у нас информация цветная, а файлы сделаны в виде хрустальных шаров. Когда их открывают, шар разбивается на мелкие осколки и они, сверкая, рассыпаются во все стороны.

— Красиво, — задумчиво произнес Бэн, ковыряя вилкой в салате, — а давайте выпьем за наше знакомство.

Они чокнулись. В Лифте шампанское подавали в пластиковых бокалах, но они тренькали друг о друга со звоном настоящего хрустала. Риту подмывало позвонить подруге прямо сейчас. Прямо сейчас сказать ей, как она ошибалась: есть ещё приличные мужчины, которые знакомятся, как в былые времена. Они спрашивают, как тебя зовут, и не пугаются неизвестности. Это же совсем неромантично, знать о человеке всё сразу.

— Мне кажется, это так романтично, Рита, что я о вас ничего не знаю, — Бэн отломил кусочек хрустящего тоста, — вы мне представляетесь заколдованной принцессой из прошлого.

«Он читает мои мысли, — Рита не смела верить в свое счастье, — он думает так же, как я».

— А вас, Бэн, не смущает такая открытость информации, — Рита вдруг вспомнила, что сам-то врач был «облеплен» сведениями о себе.

— Мне это необходимо по работе. Я фрилансер и фактически являюсь ходячей рекламой самого себя. А немного личной информации обычно больше располагает клиентов.

Рита посмотрела в окно. Её даже перестала раздражать красивая нереальная картинка, проплывавшая мимо ресторана. Она заморожено смотрела на цветные музыкальные фонтаны, на павлинов, бродивших где-то на заднем плане по ступенькам раскинувшегося на огромной площади дворца.

— Иногда я мечтаю о том, чтобы купить себе небольшой домик в настоящей деревне и жить там с женой и детьми, — тихо произнес Бэн.

— Я тоже не очень люблю город, — Рита подняла свой бокал, — давайте выпьем за то, чтобы мечты сбывались.

Раздался звон бокалов. Перед столом всплыло: «Кофе. Чай. Штрудель. Мороженое».

— Мы успеем выпить кофе, — Бэн дотронулся до надписи. Всплыли несколько видов кофе. Он снова поднял руку, — капучино? Будете, — спросил он у Риты.

— Буду, — ответила Рита, — и штрудель.

— Конечно, — Бэн махал рукой в воздухе, заказывая кофе и десерт. Рита допивала настоящее шампанское из Шампани.

— Сиэтл. Местное время семнадцать часов или пять после полудни, — женский голос бесстрастно выдавал стандартную информацию, — местное население в основном говорит по-английски. Желающие приобрести электронный переводчик могут обращаться в службу сервиса компании Лифт. Погода в Сиэтле...

Рита открыла глаза. Голос доносился как будто откуда-то издалека. Рита провела рукой по волосам. «Черт, опять, — она чуть не заплакала, — надо выкинуть эту гарнитуру! Выбросить в первую же гаджетную помойку!» Новый дивайс Рите подарил на день рождения брат. Она каждый раз клялась его выкинуть и не могла. Руки сами тянулись в сумку, надевали гарнитуру на голову, та считывала Ритины мысли и воплощала их в Ритиных снах. Сон всегда наступал неожиданно. Он был безумно реалистичен. Когда Рита проснулась первый раз, она не могла поверить в то, что это был только сон — настолько всё в нем происходившее было похоже на явь. «Выкинуть! Выбросить», — кричала она про себя, чуть не плача срывая гарнитуру с головы.

Рита застегнула сумку и пошла к выходу. Впереди маячила фигура врача. Неожиданно он обернулся и остановился, пропуская вперед других пассажиров.

— Извините, я могу узнать, как вас зовут? — обратился к ней Бэн. — Извините, — снова повторил он, — я не хотел вас напугать. Просто у вас отключена информация. А я бы хотел пригласить вас на обед, если не возражаете.

Крис Альбов История Ральши

Когда Ральши замолчал, а толмач пересказал последнее слово, вождь остался недвижим. Он был похож на деревянную статую и сплошь покрыт чёрными и синими узорами: линии, казалось, исполнили сложный танец, вертятся и изгибаются, прежде чем застыли на груди и плечах. В отсветах пламени Ральши заметил слёзы на его морщинистых щеках. Наконец, вождь поднял лицо к небу и ударил себя в грудь.

— Спасибо, чужеземец. — Вождь говорил мягко, а голос толмача скрипел. Странная это была речь, похожая то на журчание ручья, то на крик птицы, то на виртуозные фокусы эха. Вот и сейчас Ральши показалось, будто слова вождя сами просочились в его мысли, смешались с ними. — Мы умеем слышать, как никто во всём мире. В самых тонких интонациях голоса мы ясно различаем, о чём думает человек, что предстаёт перед его внутренним взором. Ты — удивительный рассказчик, ты перенёс нас в диковинные уголки мира, которые мы могли представить лишь во сне. Прощу: подари нам твою историю. Мы будем вспоминать её. Мы будем путешествовать с тобою снова и снова.

Ральши смутился, дёрнул себя за ус: когда он впервые увидел этих дикарей, они показались ему забавными — в поле и в лесу они вдруг замирали, вслушиваясь, а двигались, будто пританцовывали, будто неведомая мелодия звучала внутри каждого из них.

— О вождь доброго народа! За пищу и кров, за доброту и любезность я рад подарить тебе мою историю, но вот ты слышал её, и разве могу я добавить ещё что-то?

— Прощу тебя только: повтори рассказ нашему шаману. Но знай: в пещере шама-

на тебя ждёт чудо, о котором ты никому и никогда не сможешь рассказать.

— Почему?

— Ты навсегда забудешь обо всём, что случится в пещере.

— Что ж, — Ральши вздохнул, — я видел много чудес, так много, что о некоторых уже начал забывать. Я перескажу всё шаману, и пусть то, что полюбил я в удивительных землях, принесёт радость твоему народу.

— Да будет так, — сказал вождь и хлопнул в ладоши.

Тотчас принесли пищу, а юноши и девы племени стали петь и танцевать.

Пещера шамана оказалась огромной. Пол в ней был уставлен светильниками. Скоро Ральши понял, что вместе они составляют лабиринт, рисунок, настолько огромный, что понять его было невозможно. В центре, на огромном камне, на козьей шкуре лежал шаман. Голый. Одноухий. Глаза его были закрыты, и Ральши усомнился: живой ли? Сквозь треск пламени Ральши различил необычный звук и скоро нашел источник: огромная яма с углями. Жар от них был нестерпим. Угли то чернели, то источали сияние. Звук доносился отсюда. Это был свист, который пронзительно истончался и в конце разрешался хлопком. Ральши вгляделся и едва не закричал: на углях жарились куски мяса. Он узнал в них человеческие уши. Гигантское, будто разбухшее, каждое ухо подрагивало. Оно, как гриб-дождевик, свистело, словно изнутри что-то стремительно рвалось наружу. И вдруг свист распался, проступил ритм, бормотание, которое в конце разделилось на слова, фразы:

— ...мой караван шаг за шагом ступал по мёртвым пескам... и открылось мне чудесное зрелище: оазис, укрытый зеленью...

Крис Альбов родился в 1982-м году. Программист. Преподаватель. До 2004 года писал стихи, после 2005 пишет прозу и критику. Публиковался в областных альманахах, а также в журналах «Полдень, XXI век» и «Реальность фантастики». Живёт в Иваново, Россия.

И тотчас другой невидимый рассказчик начал своё, а за ним ещё и ещё. Это были не просто голоса: Ральши закрыл глаза и всё увидел, как наяву. Заворожённый, он глубже и глубже тонул в потоке образов, и, повинувшись этому опыту, вдруг начал говорить. Он не просто повторял историю, но вдруг вспомнил всё с невероятной ясностью и самым сердцем пел свою жизнь.

О том, как ушёл из отчего дома. О затонувших кораблях и коралловых островах, о паровых дирижаблях, штурмующих грозные облака, о ледяных дворцах, чьи жители просыпаются каждую весну и засыпают с приходом холодов, о небесных островах и белоснежных облачных замках, о ликах богов, виденных им на склонах гор. О том, что леса и долины забытой родины казались ему не меньшим чудом, чем все диковины чужих стран. Чем больше Ральши говорил, тем шире раскрывалось его сердце: он чувствовал, будто целый мир слушает рассказ. На груди мира он шептал себя в огромное его ухо. Мир и Ральши стали единым: говорить стало не нужно. В сердце Ральши уместились самые высокие горы и самые глубокие океаны, и солнце, и звезды, прошлое и настоящее. Ральши стал всем миром, и ему нестерпимо захотелось дать кому-то частицу этого знания. Он всмотрелся и увидел: мальчишка лежит на траве, задрав голову: смотрит в облака. В одно мгновение Ральши спустился к нему и сказал:

— О, юный Ральши. Знаешь ли ты, что весь огромный мир однажды окажется в твоём сердце и станет твоим? Знаешь ли ты это?!

Глаза мальчика широко раскрылись: он понял, поверил. И тотчас Ральши услышал зов. Он снова поднялся над миром, и, следуя за источником, вдруг вернулся в пещеру. Теперь он видел узор: светильники составляли огромную ушную раковину. В центре раковины стоял шаман и звал его. На голове его теперь было видно второе ухо — огромное, мясистое. Шаман

взмахнул ножом и тотчас отсек его: окровавленное, ухо упало на угли.

Ральши пришёл в себя и увидел вокруг густую чащу. Воздушный шар запутался в ветвях, корзина была разломана.

Ему приснилось, будто он снова стал мальчишкой и, как тогда, с самого неба к нему спустился мужчина и сказал, что однажды весь мир станет его. Ральши убежал из дома и с тех пор скитается по свету.

Сердце его неожиданно сдавила тоска. Он пнул бесполезную корзину. И расплакался.

К.А.Терина

Я, Крейслауф

1. Лот

Мы смотрим, как суставчатый хвост поезда скользит вдоль здания вокзала.

Лот говорит мне:

— Это гнилое место, парень. Здесь нет жизни.

Он прав. Но я не хочу сегодня такой правды, я прячусь от неё в спокойствии моего маленького мира, в мягких вечерних красках. Прячусь в тёплых полосках кота, который сидит на вокзальной скамейке. В воспоминаниях о детстве.

Детство видится мне теперь в ностальгическом свете. Жизнь тогда была простой и понятной. Как стена, в которой я — только один из миллионов кирпичиков. Но это была надёжная, прочная и очень толковая стена, обещавшая будущее. Настоящее. Героическое.

Идём по узкой кривой улочке. Некогда разные, фасады давно уже осыпались, сравня-

лись в цвете, как это случается со вещами и людьми, много лет живущими рядом. Закат забрызгал стены и небо своей игрушечной кровью. В просветах брусчатки ютится редкая, но по-весеннему свежая трава. Улица почти пуста, город как будто замер в ожидании. Чопорная старушка в клетчатой накидке рассматривает пыльную витрину часовой лавки. Проносится мимо мальчишка-почтальон на велосипеде. Завтра всё будет иначе. Завтра эта улица оживёт, забуллит, провожая Крейслауфов в большой мир. Завтра я пройду здесь в последний раз.

От вокзала до Школы — всего ничего. Возможно, нам больше не выпадет случая поговорить, но Лот молчит. Я знаю, о чём он сейчас думает.

Он мог стать лётчиком.

Это непросто. Не всякий человек способен на такое, даже не всякий Крейслауф. Но он смог бы. Его профиль печатали бы на марках. Его именем называли бы улицы и города. О его высадке на Луну писали бы все газеты мира.

Синее небо — цвет наших глаз. Он может часами рассматривать это небо, воображая, как стежок за стежком перечерчивает, перекраивает его инверсионным следом. Я ненавижу небо. Зажмуриваюсь. Никак не могу решить, что бы я предпочёл перекрасить — небо или наши глаза.

Остановились, молчим. За поворотом — дом ректора. Живая изгородь — маленький зелёный лабиринт, который меняется каждый раз, когда я в него вхожу. Здесь мы расстанемся, Лоту никак нельзя со мной к ректору.

Замечаю вдруг, что он уже совсем старик. Я готов поклясться: минуту назад Лот был на пару десятков лет моложе. Он знает, о чём я сейчас думаю.

Он мог стать героем.

Он мог стать богом.

К. А. Терина родилась в прошлом веке за полярным кругом. С 2008 года публикуется в фантастических антологиях и журналах. Лучший художник по версии Интерпресскона 2011 и Еврокона 2013. Живёт в Москве, Россия.

2. Мэри

Я помню нашу первую встречу — восемь лет назад. Вижу её как наяву. На Мэри белое платье, которое подарил ей ректор, красные босоножки, о каких даже не мечтают остальные девочки Крейслауф. Рядом — изящная кукла с огромными глупыми глазами в обрамлении чёрных ресниц.

— Иногда дети рождаются с душой, — говорит Мэри. — Это не сразу заметно. Некоторые успевают вырасти и здорово загадить атмосферу, прежде чем их поймут. Но ни один! — тут её глаза на мгновение становятся почти прозрачными, — ни один ещё не выбрался наружу.

Мэри — воспитанница ректора. Она младше меня на два года, но я боюсь её взгляда. Боюсь утонуть в нём.

Совершенно не важно, как Мэри выглядит на самом деле — она похожа на всех девочек Крейслауф одновременно. Я вижу её такой: локоны цвета солнца, искры, много света, синий лёд в глазах. Её руки никогда не дрожат.

Не попадаться. Я понимаю это как «не любить».

— Однажды ты влюбишься, — вспоминаю слова Лота. — Ты влюбишься. И тогда всё пропало. Когда ты влюбишься, ты захочешь остаться. Ты останешься. И исчезнешь навсегда. Как я.

Иногда дети Крейслауф рождаются с душой. С девочками такое тоже может случиться. Я часами смотрю на Мэри, и мне начинает казаться, что в синеве её глаз я вижу что-то знакомое.

3. Болезнь

Обычно дорога сквозь лабиринт даёт мне без особого труда. Не в этот раз. Я знаю, что сегодня ректор наблюдает за мной из окна, ждёт, когда я замешкаюсь и ошибусь. Я чувствую его взгляд. Но никак не могу взять себя в руки. Я дрожащая красноглазая мышь, которую обманом за-

гнали в картонную коробку и от которой требуют теперь невозможного.

Я вспоминаю о Джейн.

Милая Джейн, такая же рыжая, как все Крейслауфы. Я не замечал её до сегодняшнего утра. Не замечал, пока она не заметила кое-что, чего ей видеть не следовало.

Что-то сломалось, шестерёнки моей судьбы перестали вертеться как положено. Словно накопилась пыль или порывом ветра принесло прошлогодний жухлый лист, который теперь застрял в некогда исправном механизме.

К чёрту беспокойство! Я почти добрался до заветной двери. Завтра я выйду наружу.

Выйду ли? Джейн. Я не вспоминал о ней весь день и сейчас, на время беседы с ректором, мне тем более стоит забыть о Джейн. Не нужно думать о душевных болезнях в логове охотника за душами.

Закрываю глаза, чтобы успокоиться.

Мне было семь, когда я увидел своего первого малька. Он неспешно проплыл под обеденный стол и растворился в рисунке скатерти. Я до сих пор уверен, что сердце моё остановилось тогда. На две минуты или больше я умер там, в школьной столовой. Лучше бы я умер совсем.

Один серый малёк — чешуйчатое ничто, пустое место — превратил мой мир в руины.

— Это может быть птица. Например, сова. Вы сразу узнаете душевную болезнь, даже если никогда не видели раньше. — Где-то за спиной щёлкает проектор и мы видим сову с красно-белым оперением. Странная жертвенность, обречённость плещется в её огромных пустых глазах. Щелчок. На следующем снимке — зелёный барсук, выглядывающий из-под кресла. Щелчок. Светящиеся утиные следы на побелке коридорной стены. Щелчок. Маленький мальчик, воровато оглядывается. В руках его — блестящий пластиковый фламинго ярко-розового цвета. Щелчок.

Я быстро научился справляться с мальками. Я убивал их взглядом. Мысленно сжигал, взрывал, топтал. От них оставались только мокрые серые пятна в коридорах. Я с

такой яростью принялся их уничтожать, что на некоторое время малышки отступили. Три дня — три счастливейших в моей жизни дня — я жил в уверенности, что смог победить душевную болезнь. Что, возможно, вместе с мальками я убил и свою душу. Но на четвёртый день всё переменялось, малышки вернулись. Я сказался больным и несколько дней провёл в душевой почти безвылазно — топил мальков в ржавой воде, пока не научился управлять ими. А потом я впервые увидел Лота. Точнее, его тень. Или тень тени.

Получив поблажку, память снова ныряет в сегодняшнее утро. Как испорченную пластинку раз за разом прокручивает эпизод с Джейн. Когда я...

4. Утро

...краем глаза замечаю, как из моего портфеля выплывает рыба. Серый несмышлёный малёк, каких я запускал в детстве. Ничего особенного.

Эта рыба — мой приговор, мой диагноз. Но страх приходит не сразу. Сначала — стыд. Я чувствую, как теплеет, потом раскаляется кожа. Щёки горят. Чёртов малёк. Это ведь всё равно, как если бы я обделался у всех на глазах.

— Слабак, — говорит Лот и отворачивается.

Делаю глубокий вдох и тотчас, не выпуская воздух, ещё один. Как будто останавливаю икоту. Малёк исчезает.

Вздых облегчения. Нет, не мой вздох. Я оборачиваюсь и вижу Джейн. Она смотрит на меня, не мигая. Глаза её — огромные синие блюдца.

Мне конец.

5. Крейслауфы

Открываю глаза. Сердце бьётся ровно. Пора.

Наверняка Джейн уже побывала здесь и сейчас я узнаю, как поступают с одушевлённым Крейслауфом. Вырезают ли его душу вместе с сердцем. Вперёд.

Дом ректора немного расскажет случайному посетителю. Здесь у всякой вещи есть своё место. Никакой пыли. Всюду мягкие ковры. В этом доме всё происходит очень тихо, а время стоит на месте.

Я бываю у ректора дважды в неделю. Он зовёт меня другом, иногда мы играем в шахматы. Не сегодня.

— Вы такие одинаковые, — говорит ректор. И добавляет с улыбкой: — Я даже не уверен, что беседую именно с тобой.

Пожимаю плечами.

Мы очень разные, как можно этого не видеть? Глаза — да, глаза одинаковые. Но лишь потому, что глаза — зеркало души, а души Крейслауфу не положено. Мы все сделаны по одному чертежу, молекула к молекуле, каждая шестерёнка — одобрена, утверждена и описана в спецификации. С каждым годом, с каждым новым поколением Крейслауфы всё совершеннее.

Джейн. Она такая же, как я, такая же, как все мы здесь. Пока ещё нескладный подросток, руки-ноги на шарнирах, длинная шея, короткая рыжая стрижка, серая школьная форма. Кажется, я рассказываю о ней так, как мог бы рассказывать о любом из нас. Но это не правда. Я не спутаю Тони и, например, Билли. Билли — при той же внешности, при тех же повадках — другой. Он уверен в себе и никогда не думает о последствиях. Он никогда не ошибается. Даже мысленно. Наверное, Билли — идеальный Крейслауф. Или, вот — Дон. Чуть более ловкий, чуть более выносливый, чуть более сильный. Этих мелких отличий достаточно, чтобы Дон казался мне великаном. А ведь мы одного роста.

6. Ректор

— В каждом поколении Крейслауфов случается бракованный ребёнок. В каждом. Раз за разом кто-то подсовывает нашим детям души, — он шутливо грозит небу кулаком.

Ректор не смотрит на меня. Он никогда не смотрит на собеседника, к которому

расположен доброжелательно. Движения Ректора как будто слегка неуверенные, плавные, медленные. При этом остаётся впечатление, что суставы его должны издавать надрывный, неприятные скрежет. Но любой жест Ректора сопровождается ватной тишиной, тишина эта всюду ходит с ним и выдаёт его присутствие. Она крадучись проникает в мою голову и обволакивает мысли всякий раз, когда Ректор появляется рядом. Я слышу его тишину и очень её боюсь.

Но сейчас мне не страшно. Сейчас я ничего не чувствую, кроме безмерного удивления. Я — всё удивление, которое есть в этом мире. Шок — так это называется?

— Джейн. Никогда бы не подумал на неё. Старею, брат, старею. — Он качает головой. — Мне даже допросить её не удалось как следует. Слабачка! А ещё — Крейслауф... В чём только душа держалась?

Джейн. И я никогда бы не подумал. Она пришла к ректору, но ни слова не сказала обо мне. Почему? Неужели, у Джейн была душа?

Я молчу. Я хочу спросить о душе.

Ректор говорит:

— Ничего особенного. Я перевидал их сто-о-олько, — он смешно разводит руками. — И, между нами, ничего пугающего в душе нет. А уж если достать её из Крейслауфа — так и вовсе тряпка-тряпкой. Нет, сама по себе душа не страшна.

Он делает большой вкусный глоток из своей кружки. Кружка у него выдающаяся — огромная, чёрная, с толстыми боками.

— Мы вылечим тело Крейслауфа от любой болезни. Здесь или там. От любой, понимаешь? Но только тело. — Ректор отставляет кружку в сторону, доверительно наклоняется ко мне и заглядывает в глаза. Верно ли я понял? Всё ли оценил?

Никогда не показывать страх. Это было первое, чему научил меня Лот. Страх пришёл вместе с мальками. И никуда не делся, когда я научился сдерживать их спонтанные рейды наружу.

— Мы вылечим Крейслауфа от любой болезни. Но только тело. Не душу.

Тело Крейслауфа — совершенный механизм, который — при правильном обращении — может стать вечным двигателем. Каждая его клетка работает идеально. Поломки случаются, но любую — любую! — поломку можно устранить.

Другое дело — душа. Субстанция непредсказуемая и не приспособленная к существованию в нашем мире. В отличие от Крейслауфа.

Души ломаются в Крейслауфах раз за разом. Всегда. И это хорошо. Потому что Крейслауфу душа не нужна. Крейслауф — совершенное произведение искусства. Без всякой души.

Ректор ревниво следит за синевой моих глаз, и я стараюсь не обмануть его ожиданий — выпускаю на волю лавину фамильной гордости. Это последняя моя встреча с ним, последний экзамен, через который, я знаю, проходит каждый Крейслауф прежде чем покинуть Школу.

Что теперь будет с Джейн? Я не спрашиваю. Ответ очевиден.

Но что они сделают с её душой? Что они делают с душами Крейслауфов?

Я не спрашиваю.

Допиваю свой чай и тепло прощаюсь с ректором. Ведь мы друзья.

7. Джейн

В полночь я открываю глаза. Тишина спальни комнаты — особенная, плотная материя. Встаю. Вокруг Крейслауфы. Здоровые тела, будущие герои. Я представляю, какой могла быть эта тишина, умей они видеть сны. Заглядываю в их лица и вижу покой бессмертия. Такие лица бывают только у тех, кому не суждено вкусить с древа познания. Они в раю, и потому моя жизнь — ад. Потерянный рай слишком близко.

Я подхожу к окну. Отсюда отлично виден шпиль ректората.

На фоне стерильной черноты ночи она сперва кажется мне грязно-белой тряпкой, которую злой шутник прикрепил к шпи-

лю. Порыв ветра подхватывает неясную тень, полощет её, заставляет выплясывать неприятный конвульсивный танец. Затем наступает мгновение затишья, и тряпка, предоставленная сама себе, распрямляется вдруг, складки её разглаживаются, белизна выравнивается. Я всматриваюсь — и не верю своим глазам. Джейн. Это маленькая Джейн подвешена там на потеху ветру. Не сама Джейн, но её тень. Тень её тени. Душа.

Я жадно ем глазами эту картину, понимая, что за всю свою жизнь вряд ли ещё увижу подобное. Живая душа, прозрачная, тонкая. Я хочу протянуть руку, прикоснуться к этой чистоте, смять в ладони.

Я чувствую это сердцем. Так: ТУМ-ТУДДУМ-ТУМ-ТУДДУМ. Надрывно. Точно кровь моя забурлила, вспенилась и потекла в два раза быстрее, разрывая сердце напором, заставляя его работать на пределе. Бешено, неистово моя кровь несётся по привычному маршруту, и в бурлении этом слышится мне даже не звук — эхо звука.

— Помоги.

Я возвращаюсь в постель.

8. Рыба

Утро встречает меня мёртвой синевой неба. Эта синева холодна так же, как и глаза Мэри. В сердце неба — белая тень души Джейн Крейслауф. Мне кажется или она смотрит прямо на меня?

Школа жужжит роем Крейслауфов. Старшеклассники готовятся покинуть свой дом. Сегодня день отъезда. Последний день моих страхов. Последний день моей нежизни в этом искусственном мире. Но я могу думать только о Джейн, которая принесла себя в жертву. Ради меня?

Я пересекаю двор, глядя себе под ноги. Никто не смотрит наверх. И я не смотрю. Они — потому что не видят. Я — потому что уже всё решил. Мои глаза полужакрыты, я занят делом. Потрошу своих мальков.

На крышу можно пробраться через чердак. Я знаю, потому что уже бывал там. Все бывали на крыше ректората, и это тоже экзамен. Крейслауф не умеет бояться. Он — будущий моряк, полярник, астронавт. Неписанные правила только кажутся нашим собственным изобретением. Крейслауф никогда не нарушит закон без специального разрешения.

Но у меня есть душа. Жалкая трусливая субстанция, которая портит чистую кровь Крейслауфа. Я не герой. Мне не стать астронавтом. Мне не стать лётчиком. Я боюсь высоты. Возможно, поэтому я ненавижу небо.

Но я умею нарушать правила. И могу пройти по краю. Я знаю — потому что уже делал это.

Просто закрыть глаза и увидеть мир иным. Как будто нет ни крыши, ни края, ни неба. Не смотреть вверх. Без опостылевшей искусственной синевы, без этой яркой пудры, небо становится по-настоящему страшным — пропастью, сияющей бездной, которая выпьет тебя всего, через один только твой взгляд — как через соломинку.

Тишина меняется, делается тревожной и очень знакомой. Где-то здесь, где-то рядом — он. Ректор. Но я больше не боюсь его.

Я жду.

Она появляется с севера. Сначала горизонт покрывается едва заметной рябью. Я вижу это, потому что знаю, куда смотреть. Несколько секунд ожидания сливаются в тягучую густую вечность, которая отчего-то пахнет трясинной. Я, не двигаясь и не дыша, проплываю эту вечность насквозь и выбираюсь из неё на свежий воздух едва живым.

Рябь оживает, быстро, почти мгновенно поднимается над горизонтом и приобретает вполне определённые очертания. Рыжеватый плавник с острыми краями, затем чешуйчатая спина, потом — огромные мутные глаза, жабры, унылая прорезь рта.

Моя большая рыба. Чёрные её полоски ярче ночного неба, жёлтые — почти про-

зрачны, сквозь них можно рассмотреть, как внутри рыбы нервно крутятся шестерёнки. Никто, кроме меня, не оценит красоты этого механизма.

Самое грандиозное безумие, которое видел этот город.

Когда рыба зависает надо мной, закрыв своей тушей небо от меня, а меня от неба, когда жизнь в городе замирает, а мысли всех его жителей, всех Крейслауфов, их учителей и даже ректора звучат примерно одинаково («Какого х-хрена?!»), я выбираюсь на крышу.

Пространство вокруг шпиля усыпано остатками сгнивших верёвок. Душа Джейн тоже держится на обыкновенной верёвке. Мне боязно отвязывать её.

Сейчас я не могу понять, как не видел этого раньше. Я имею в виду — Джейн, она такая же, как все мы здесь, похожа на всех Крейслауфов, но больше всего — на меня.

Это как заглянуть самому себе в глаза. И увидеть будущее.

Тебя переплавят. Прогонят через огонь и железо. Снимут кожу и выпотрошат. Опилки, которые ты зовёшь душой, аккуратной бандеролью отправят на небо. Но не сразу.

Я перерезаю верёвку.

9. Я

Мэри провожает меня на вокзал. Я не смотрю на неё. Это непросто, но я держусь. От взгляда недалеко до слов. А слов говорить нельзя. Если скажу хоть одно — я пропал.

Любовь — ловушка, в которую раз за разом попадают бракованные Крейслауфы вроде меня. Магнит для души. Я первый, кто смог пройти по самому краю этой бездны и не упасть. Удержусь и теперь.

Нарочно выбираю обходной путь, идём через сквер — тут не так многолюдно. День выдался пригожим, впрочем, иных в этом городе и не бывает. Редкие прохожие то и дело брезгливо поглядывают вверх.

Рыбы нет. Она исчезла вместе с душой Джейн, пролилась невидимым дождём в бездну неба. Всё, ни слова больше о рыбе. Ни слова больше о Джейн.

Оглядываюсь. Невдалеке стоит Лот, улыбается. Понимаю вдруг, что больше никогда его не увижу, и от этого становится грустно — точно я прощаюсь сейчас с живым человеком, а не с бесплотной тенью моей душевной болезни.

Вокзал встречает нас бравурным маршем. Поезд уже подали, Крейслауфы занимают свои места. Улыбки, смех, музыка. Кажется, весь город здесь. Женщины утирают слёзы, мужчины пожимают нам руки, дети — обычные дети — смотрят с восторгом. У каждого из них есть собственное лицо, фамилия, родители. Они — часть этого города и навсегда останутся ею. Их будущее скучно и предсказуемо. Им не стать героями.

В одно мгновение всеобщее веселье обрушивается на меня и в клочья рвёт моё напряжение. Какое-то новое, неведомое раньше чувство, распирает изнутри. Я подхватываю Мэри за талию и шутя кружу её в вальсе.

Жизнь! Наконец, настоящая жизнь!

Мне выпало родиться героем. Человеком, способным на всё. Человеком, которому доверят судьбу мира. Крейслауфом.

Я сделаю ещё один только шаг — и окажусь на той стороне. Где небо — дорога в настоящую бесконечность, а не затхлая искусственная бездна маленького мира Крейслауфов.

Где моя душевная болезнь станет не проклятием, а подарком судьбы. Моим последним подарком старому миру.

Я смогу стать лётчиком. Астронавтом. Моряком. Полярником. Я смогу стать всем миром сразу.

Я смогу стать богом.

Один шаг за дверь. Один чёртов шаг.

Нужно только промолчать сейчас.

Но я говорю:

— Мэри. Я люблю тебя, Мэри.

Дмитрий Козлов

Последний рассказ Гришина

Трифонов проехал за ворота и припарковал машину, едва не задев крылом какую-то безголовую античную статую, расположившуюся перед лестницей, ведущей в дом. «Так-так, — подумал он, — Греческие изваяния... Должно быть, товарищ Гришин не отличается хорошим вкусом». Выбравшись из машины, Трифонов приготовился увидеть классические признаки неофеодального шика, столь распространенные в среде неофеодалов столичных пригородов, устанавливающих во дворах своих поместий безвкусные подделки под античную классику. Какие-нибудь золотые дорические колонны, балдахины, гранит и

кариатиды в виде Наташи Королёвой (однажды он видел и такое), и прочие жлобские заморочки.

Однако Гришин приятно удивил: посреди весьма симпатичного и ухоженного сада расположился относительно скромный домик, выстроенный в стиле модного скандинавского конструктивизма. Строгость, простота и в то же время свет, простор. Напоминало слова из рецензий на его книжонки, подумал Трифонов, оглядя дом. Вкус сигареты вдруг показался нестерпимо противным, и он, не задумываясь, швырнул окурок в аккуратную клумбу каких-то красных цветочков.

В бассейне плескалась девушка — стильная и простая, как и всё в имении Гришина. Она напоминала диковинную рыбу, когда её гладкое тело растворялось в солнечном свете, пронизывающем воду. Должно быть, наблюдать за ней было весьма приятно — иначе отчего бы Гришину сидеть на веранде за столиком, в тёмных очках и с бокалом в руках, подобно какому-нибудь наркобарону из старых голливудских боевиков?

— Господин Гришин? — спросил Трифонов, приближаясь к поджарому, загорелому человеку с лицом, будто иссечённым мириадами крошечных кинжалов.

— Лучше уж товарищ. Господ у нас и так развелось предостаточно, — ответил Гришин. Голос его был сиплым, и каким-то выцветшим. Он шелестел, будто глотка писателя забила пылью с тысячи книг. Трифонов отодвинул стул и сел напротив хозяина. Рука потянулась к пустому бокалу со следами помады, и вино, виноград для которого растили явно не на постсоветской земле.

— Как раз собирался предложить вам присесть и выпить, но вижу, что молва не врёт насчёт ваших манер, — сказал Гришин, и улыбнулся. В его улыбке вроде

Дмитрий Козлов родился в 1986 году. Автор двух десятков рассказов, опубликованных в различных журналах Украины, России, Германии и Израиля. Живёт в Киеве, Украина.

бы не было ничего примечательного, но Трифопова вдруг пробрала дрожь, будто ему улыбается череп. Он почему-то преисполнился уверенности, что под очками Гришина не глаза, а лишь бездонные чёрные провалы... «Чёрт, не стоило смотреть на ночь глядя «Проклятие-2», — подумал Трифонов, возвращаясь к привычной нагловатой безразличности.

— Манеры — последнее убежище труса, — отчеканил он, и Гришин усмехнулся — всё с тем же гадким шелестом.

— В любом случае, вы здесь не для светских бесед.

— Может, вы тогда, наконец, объясните, для чего же я здесь? — спросил Трифонов, равнодушно вращая в руке сверкающий бокал и то и дело постреливая взглядом в бороздящую бассейн бронею.

На самом деле, несмотря на напускные отрешенность и равнодушие, Трифонову было очень интересно, почему из всей журналистской братии этот писака — Егоров-Высочество-Первый-Русский-Букеровский-Лауреат — выбрал именно его. Сам Евгений Гришин. Или, скорее, Eugene Grishin. Загадочный гений, первый современный русский автор, достигший настоящей мировой известности. «Британский писатель русского происхождения», чей роман «Кристина в одиночестве» удостоился Букеровской премии, и чьё имя теперь красовалось рядом с Исигуро, Барнсом и прочими Маккьюэнами в списке крупнейших британских авторов последних десятилетий. Быть может, даже стоило бы почитать его писанину...

— Я хотел бы рассказать вам одну историю, господин Трифонов, — прошелестел писатель, улыбаясь девушке в бассейне. Та ответила улыбкой, от блеска которой журналисту захотелось зажмуриться.

— С удовольствием послушаю, товарищ Гришин, — ответил журналист, и, подлив в голос фирменной желчи, добавил: — Если, конечно, это и в самом деле будет интересно. Я ведь занятой человек.

Гришин вдруг посмотрел на него, и даже

сквозь стёкла очков журналист почувствовал, как взгляд писателя обжег его. Хотелось вскочить и прыгнуть в лазурную воду.

— Пойдёмте в дом, — медленно сказал Гришин. — Становится жарковато.

Они поднялись и прошли в большую комнату, отделённую от веранды прозрачной стеклянной стеной. После уличной духоты, от прохлады у журналиста закружилась голова. Комната была под стать внешнему облику дома: пространство, заполненное воздухом, белые стены, минимум мебели, супрематический чёрный прямоугольник телевизора на белом фоне. И никаких фотографий и картин, за исключением одного портрета, столь явно дилетантского и сотканного из таких кричащих цветов, что его присутствие в комнате казалось столь же уместным, как кровавое пятно на белой скатерти. Когда они входили, Трифонов заметил, что у Гришина босые ноги: из льняных брюк торчали грязноватые стопы с узловатыми, похожими на корни старого дуба пальцами. Отчего-то вид этих босых ног вызвал в Трифонове тревогу: грязным босым стопам не место в столь стерильном и упорядоченном мире писательского жилища.

— Присаживайтесь... Хотя, простите, я же забыл, вам не нужно моё разрешение, — сказал Гришин, усевшись в кресло, изготовленное из каких-то тонких хайтековых прутьев, напоминавших паучьи ноги. Трифонов сел напротив, и тут же убедился, что кресло было именно тем, чем казалось: модернизированным орудием инквизиции. Постаравшись усестись поудобнее и морщась от врезавшихся в позвоночник проклятых трубочек, журналист заметил, что Гришин смотрит на него, едва заметно улыбаясь. Наслаждается его муками, скотина.

— Давайте сразу кое-что проясним, — сказал Гришин. Несмотря на тень, писатель явно не собирался снимать очки. Его рука легла на какой-то предмет, лежащий на столе. Мгновением позже Трифонов понял, что это: на прозрачном стекле ле-

жал обрез охотничьего ружья, исцарапанный и тронутый кое-где ржавчиной, столь же чужеродной в этом доме, как портрет на стене. Или он сам.

— Я хочу кое-что рассказать, и, для того, чтобы вы были прилежным слушателем, мне пришлось захватить сюда это милейшее устройство.

Писатель поднял ружье, и положил его на колени. Криво обрезанные стволы уставились на Трифонова чёрными и безразличными глазами рептилии. Журналист оцепенел, но постарался не подать виду. Чёрт возьми, он оказался в гостях у психа. «Нужно сохранять спокойствие», — подумал он, но внутри всё бурлило. Он буквально чувствовал, как в его тело вонзается тысячеглавая сталь. За шиворот Ниагарой стекал пот. В мыслях по кругу носилась фраза Чехова о ружье, и мысль о том, что классик ошибался: ружье выстрелит сразу, не дожидаясь последнего акта.

— Я внимательно слушаю вас, — прошептал Трифонов, стараясь подавить дрожь в голосе. Чтобы скрыть страх, пляшущий в глазах, он уставился на портрет. Написанный явно неумелой рукой, он изображал миловидную светловолосую женщину в воздушном бирюзовом сарафане, мальчугана лет семи и мужчину, в котором легко узнавался писатель. Походило на семейный портрет, но ведь чёртов писателя никогда не был женат... Должно быть, одна из любовниц. Или вообще воображаемые люди, которые обычно водят дружбу с психопатами...

— Разумно с вашей стороны, — кивнул Гришин. — У нас мало времени, так что слушайте. Я собираюсь вкратце поведать вам историю своего восхождения на литературный Олимп, поскольку уверен, что именно вы, и никто иной, должны это узнать первым. И если вы будете послушно сидеть и молчать, то гарантирую: вы выйдете отсюда живым, на своих ногах, и без дыр от дроби на вашей выгоревшей футболке.

Трифонов был не против.

— Итак, вот вам сказка. Однажды, много лет назад, мы с женой решили поехать в недельный велопоход по Западному Крыму, — начал Гришин. Чувствовалось, что речь заготовлена давно и хорошо отрепетирована. «Так, вот и жена, — подумал Трифонов, не сводя глаз с темноты в ружейных стволах. — Точно рехнулся».

— Зарабатывали мы тогда не густо. Я работал лаборантом в институте, а Кристина кем-то вроде администратора в йога-центре или чём-то подобном. Денег было мало, зато времени — завались. Достаточно, чтобы недельку покрутить педали под жарким летним солнцем. К нам присоединилась ещё одна пара — Саша Кривицкий, мой хороший друг, и его жена Лера. Они были не в самой лучшей физической форме, но поход планировался не слишком изнурительный, и мы решили, что они выдержат. Я рассчитывал, что Лера всю дорогу будет ныть, но главным нытиком неожиданно оказался Саша. То у него ногу натёрло, то вода во фляге кончилась, то тепловой удар...

Гришин усмехнулся, явно пребывая в мире воспоминаний. Трифонов думал о том, успеет он ли выхватить ружьё из рук сумасшедшего, и принял решение не рисковать: в отличие от кинофильмов, второго дубля тут не будет, а почувствовать лёгкую тяжесть в желудке от заряда проникшей туда дроби ему не слишком хотелось.

— В общем, я отвлёкся. Итак, мы вчетвером погрузились в поезд, запихнули велосипеды на верхние полки, и помчались на Юг. Вышли в Джанкое, поехали на запад... В Межводном остановились в кемпинге. И там нам повстречался человек.

Гришин умолк, а затем медленным движением извлёк из кармана пачку сигарет, выудил одну зубами, и чиркнул зажигалкой. Трифонову отчаянно хотелось последовать его примеру, но он решил не искушать судьбу. Покурит позже. Если выживет.

— Если бы мы были персонажами голливудского фильма, то человек этот — в свете последовавших событий — обязательно должен был быть какой-то зловещей фигурой. Сгорбленным стариком-шаманом, бормочущим предостережения кучке безмозглых подростков... Но на самом деле нам повстречался обыкновенный мужичок, который оказался заядлым туристом, и, прознав о нашем маршруте, совершенно ненавязчиво посоветовал слегка изменить его.

— Вот это место...

Худощавый, узловатый, загоревший дочерна мужчина, ткнул пальцем в карту. Его лицо блестело в отсветах пламени костра.

— Оно называется Деретюш. Что-то вроде Долины Сновидений. Не суйтесь туда: там поганый рельеф, сплошь овраги, с велосипедами придётся туго. Лучше возьмите южнее, вот здесь...

Трифонов ожидал, когда же пойдут истории о проклятиях, призраках, и прочей чертовщине, которую любят персонажи, подобные описанному Гришиным.

— И всё, — помолчав, добавил писатель, и, будто прочитав мысли Трифонова, добавил: — Никаких историй о злобных духах, предостережений и зловещих заклинаний... А жаль. Быть может, они бы оказались как раз кстати.

Конечно же, мы направились именно в Деретюш. И очень обрадовались, когда обнаружили, что рельеф там вполне подходит для горных велосипедов.

— Небось, старикан тут на «Орлёнке» пытался проехать, — бросил Саша, и рассмеялся.

Когда мы добрались, закат уже уступал место сумеркам. Местность, пусть и вполне проходима, действительно оказалась несколько зубодробительной: каменистые дороги, постоянные перепады высоты, огромные валуны, то и дело преграждающие путь... Но, даже будучи абсолютно выжатыми после штурма этой полосы препятствий, мы были рады хоть какому-то разнообразию после ровных и

унылых степей, где вполне можно было заснуть, вращая педали, если бы не чудовищные колдобины и ямы на дороге, вынуждавшие постоянно сохранять бдительность.

Места эти не зря были прозваны Долиной Сновидений. Здесь степь спускалась к морю множеством уступов и скал, многие из которых, благодаря столетиям работы ветра и воды, приняли весьма причудливые формы. Вместе с сохранившимися там руинами древнегреческой усадьбы, Деретюш, особенно в сумерках, приобретал поистине потусторонний вид.

Гришин посмотрел в окно — солнечные блики скользнули по стеклам его очков — и, прикурив очередную сигарету от предыдущей, выдохнул облако дыма и продолжил.

— Стремительно заливающая долину темнота вынуждала нас оперативно выбрать место для лагеря. И, несмотря на мои постоянные попытки вспомнить, мне так и не удалось воскресить в памяти момент, когда выбор пал на руины. Это отвратительно, знаете ли, когда не можешь даже быть уверен в том, что стоит винить себя за превращение своей — и не только своей — жизни в кошмар. Мы поставили палатки прямо посреди развалин, представлявших из себя едва видные прямоугольники каменной кладки, растущей из каменистой земли. Костёр в этих голых, продуваемых всеми ветрами местах разжечь было не из чего, так что, приготовив ужин и чай на горелках, мы молча поели и забрались в спальники. Я вырубился практически мгновенно, лишь перед сном почувствовав, насколько устал: ноги страшно ныли и будто бы даже в покое продолжали вращать педали. Сон навалился на меня тяжелой чернотой.

Девушка за стеклянной стеной — в мире солнца и свободы, мире без полоумных писателей с обрезками — выбралась из бассейна. На бронзовой коже рассыпью драгоценных камней искрилась влага. Набросив на плечи халат, она прошла в

дом. Трифонов понял, что сейчас она на мгновение окажется между ним и вооружённым безумцем. Шанс вырвать у него ружьё! Шанс спастись! Он приготовился, собрав всю волю и храбрость. Девушка приближалась... Ближе... Ближе...

Замерев между журналистом и Гришиным — и перекрыв последнему сектор обстрела — она взяла у писателя сигарету и, коротко поцеловав его, отправилась куда-то в дом. Трифонов так и не пошевелился. Проклиная себя, он смотрел на влажные следы босых ног, протянувшиеся по полу. Проснувшись было робкая надежда на помощь девицы угасла, как окурок в луже: она наверняка не обернётся, даже если Гришин решит не дожидаться конца своей байки и всадит в него свинец сию же секунду!..

— Ночью я вдруг очнулся, — прошептал Гришин неожиданно тихо. В голосе писателя появилась едва уловимая дрожь. — Палатка шелестела на слабом ветру. Любой, кто ночевал в палатке, знает о сходстве этого звука с прикосновением человека или животного: множество начинающих туристов благодаря этому шелесту провели бессонные ночи... Но меня разбудили не звуки, нет. Я просто проснулся и, чувствуя, как поднимается и опускается грудь спящей рядом жены, смотрел в темноту... И почувствовал, как что-то зовёт меня.

Гришин усмехнулся, и этот смешок окончательно убедил журналиста: он в гостях у сумасшедшего. Который продолжал:

— Я имею в виду не паранормальщину какую-то, в духе «Невероятно, но бред»... Вроде зловещего шёпота во тьме, или... ну не знаю... таинственного смеха или прочих звуков. Не было даже всяких «внутренних голосов», то есть никто в моей башке не вещал загробным голосом «встань и иди». Нет, я просто знал, что должен выйти наружу. И я вышел. Тихо выбрался из спальни, стараясь не разбудить Кристину, и вылез наружу. Было удивительно светло. В небе висел огромный диск луны, зали-

вавший всё вокруг своим бледным светом. В этом призрачном, пепельном свечении не только греческие развалины, но и скалы вокруг, и даже холмики наших палаток походили на древние, обесцвеченные временем руины.

Я подошёл к поросшему травой остатку стены и, обнаружив тёмный зазор в кладке, засунул туда руку. Я снова замечу, что никакого зова и прочей мистической чепухи я тогда не услышал. Ничего подобного, нет. Я просто знал, что мне нужно подойти к этой стене и заглянуть в глубокую выемку между древними камнями. Я нащупал там какой-то цилиндр и потянул на себя. Господи, как же я хотел бы вернуться в тот миг и всё изменить!

Гришин застонал, будто испытал настоящую, физическую боль.

— Если бы в тот миг меня поразила молния, или инфаркт, или ещё какая-нибудь напасть! Чёрт возьми, сколько людей остались бы...

Замолчав, он дрожащими руками вытащил очередную сигарету из пачки. Остальные с шуршанием рассыпались по полу. Трифонов смотрел, как одна из них, попав во влажный след девицы из бассейна, постепенно пропитывается влагой. Чёрт, как же хочется курить...

— Но, как видите, я, к сожалению, жив... Если это можно назвать жизнью... — тихо сказал Гришин. Трифонов с удивлением отметил, что ему не терпится узнать, что же нашёл писака в тех развалинах. Пусть даже всё это лишь порождение его воспалённого сознания, как и воображаемая жена.

— Я достал оттуда бумагу, свёрнутую в трубку, — сказал Гришин, будто прочитав мысли своего невольного собеседника. — Обычную бумагу, плотность восемьдесят грамм на метр квадратный, и так далее... На ней даже пыли не было: будто только что из принтера. Цилиндр был перехвачен столь же обыкновенной канцелярской резинкой. Сняв её, я развернул бумагу. И лунного света оказалось достаточно, чтобы заметить — листы были покрыты тек-

стом. Шрифт был довольно мелким, но вполне читабельным. Присмотревшись, я прочёл слова на титульном листе.

Выдержав театральную паузу, Гришин медленно — почти по слогам — прошептал: «Лунные тени».

В комнате повисло молчание. Трифонову показалось, что оно длилось целую вечность, и что буквально через миг писака, уставший от собственной бредятины, нажмёт, наконец, на курок — и грохот выстрела разорвёт эту проклятую тишину в клочья!

Внезапно откуда-то из глубин дома слышались звуки босса-новы. Трифонов вздрогнул, будто музыка была прелюдией к расстрелу.

Присмотревшись к лицу Гришина, он впервые заметил на его мерзкой самодвольной роже признаки удивления.

— Вам ничего не говорят эти слова?

— Абсолютно, — ответил журналист, испытывая невероятное удовольствие от возможности хоть что-то сказать.

— Должно быть, вы не слишком следите за миром литературы? — спросил писака, не скрывая презрения.

— Не слишком, — с вызовом ответил Трифонов.

— Что ж, от человека вроде вас трудно ожидать чего-то ещё, — бросил Гришин и повернул лицо к солнцу. Слово «человек» он сказал так, будто сомневался в принадлежности Трифонова к этому биологическому виду. — Открою вам секрет: это название моего первого романа.

Трифонов начал лихорадочно обдумывать, что из этого следует, и пришёл к выводу, что этот сумасшедший только что заявил, будто нашёл одну из своих рукописей где-то посреди крымской степи! Чёрт, это неплохой желтопрессный сюжетик... Если он выберется отсюда живым, то состряпает статейку для какого-нибудь журнала «Инопланетянин», или газеты «Секретные материалы»...

— Да, я сказал именно то, что вы услышали. Я нашёл свою первую рукопись сре-

ди камней, уложенных древними греками на побережье Западного Крыма, — сказал Гришин, слегка закашлявшись от слишком глубокой затыжки. Трифонову показалось, что писатель уже начал курить фильтр. — И могу сказать вам честно: я сразу знал, какой успех её ждёт. Знал так же, как и то, что нужно выйти из палатки, подойти к стене и взять то, что лежит там, в темноте... Что-то, какое-то неуловимое, едва осязаемое желание избавиться от рукописи, всё же промелькнуло где-то на задворках сознания... Но я отмахнулся от него, как от назойливого крымского комара.

Помолчав, Гришин добавил:

— И вот тогда-то, друг мой, началась полная херня.

Трифонов не знал, сколько прошло времени, прежде чем появилась брונетка из бассейна и принесла стакан апельсинового сока со льдом — только один, Гришину — и, скользнув по журналисту безразличным взглядом, убралась восвояси. Писака хоть ненадолго заткнулся, поглощая прохладный напиток, и Трифонов, не обращая внимания на мучавшую его жажду, воспользовался паузой, чтобы привести в порядок и разложить в уме по полочкам всю ту ересь, что нагородил сидевший напротив псих с обрезом.

А история получалась совсем под стать своему рассказчику: безумней некуда.

Из дальнейшего рассказа Гришина следовало, что по возвращении из поездки он отнёс рукопись в крупное издательство, где её приняли, даже не смотря на недавно заявленный приём рукописей исключительно в электронном виде. Поразительно быстро последовали положительный ответ и публикация. Успех был грандиозным не только по меркам отечественного рынка — следовавшие переводы и публикации за границей принесли Гришину невероятные славу и богатство. Его роман, обласканный критиками, называли чуть ли не «величайшей книгой рубежа веков», а его самого — «волшебником, яркой кометой, осветившей «ту-

склый небосвод Большой Литературы». В кратчайшие сроки из человека, вечно балансирующего на грани нищеты, он превратился в чудовищно популярную фигуру, икону, вроде рок-звезды.

— Это было невероятно, — говорил Гришин, сидя в клубах сигаретного дыма. — Будто жизнь, записанную на блёклую выцветшую плёнку, вдруг остановили, оцифровали, подретушировали, и, раскрасив, запустили снова. Я чувствовал себя героем какого-то фильма. На самом деле, мне настолько вскружила голову вся эта известность, что я лишь через полгода после той поездки прочитал собственный роман.

Гришин вновь издал тот загробный шелест, который у него выполнял функцию смеха.

— Представляете? Я даже не заглядывал в собственную рукопись! А стоило бы. И вовсе не из-за её шумевших литературных достоинств. Я их, кстати, не обнаружил: всегда любил острсюжетное чтиво, а «мой» роман показался мне самому претенциозным занудством. Поразило меня другое. Дело в том, что персонажами книги оказались Кривицкие! Та самая семья, которая ездила с нами в поход! На протяжении без малого пятисот страниц я следил за их жизнью: ведь книга позиционировалась как «калейдоскоп человеческих отношений», «тонкое препарирование замкнутой вселенной брака», и так далее. И по множеству мелких деталей — именам, местам, событиям — я понял, что из-под «моего» пера вышло ни что иное, как биография моих друзей! Я вдруг осознал, что с момента возвращения из Крыма мы ни разу не встречались и не созванивались. А ведь они наверняка в курсе всей этой шумихи, поднявшейся вокруг «моей» книги! Чёрт подери, а ведь в романе было много неприглядных моментов... Ругань, несколько эротических сцен... И всё это якобы написал я, даже не изменив имена! Впервые с момента начала «гришиномании» меня пробрал холод. Нужно было

срочно звонить ребятам и пытаться — насколько это возможно — загладить свою вину.

Я кинулся за телефоном и принялся звонить, но слышал лишь голос оператора: «Номер не обслуживается». Ни Сашин, ни Лерин! Меня начал охватывать ужас... Неужели Кривицкие бросили всё и удрали невесть куда из-за «моей» писанины? В старой записной книжке я нашёл домашний телефон Саши... Той квартиры, где сейчас жили его родители... Набрал номер, услышал гудки... И попал в службу такси «Удача». Положил трубку, набрал номер ещё раз — и снова женский голос: «Служба такси «Удача» приветствует вас!». Вот тогда-то я впервые и заволновался по настоящему. Нет, я всё ещё прокручивал в голове всевозможные версии событий, но внутри меня поселился какой-то безотчётный, иррациональный страх. Меня колотила злая мелкая дрожь, будто тело знало наперёд правду, которая вскоре открылась мне.

Я выбежал из дома и на такси доехал до района, где жили Кривицкие. Это такой забавный клочок застройки на окраине, со всех сторон окружённый лесом. Он напоминал выставку достижений советского градостроительства: парочка сталинок, несколько хрущёвок и разнообразные многоэтажки брежневской эпохи. Кривицкие жили в трёхэтажном довоенном домике у самой опушки старой дубравы.

Вот только его больше не было.

Молчание Гришина подсказало журналисту, что от него ждут вопроса. А темнота в стволах обрезала посоветовала поторопиться.

— То есть как? Его что, снесли? — спросил Трифонов. Слова с трудом вырывались из пересохшего рта. Ему казалось, что язык превратился в иссушенный солнцем камень — вроде тех, среди которых Гришин якобы нашёл свою книжонку.

— В том-то и дело, что нет! — сказал Гришин. В его противном шелесте появились визгливые нотки, и Трифонов вдруг

понял, что до него никто и никогда не слышал всего этого. Психопат почему-то избрал именно его для своей «исповеди».

— От дома не осталось и следа. Ни пуста, ни пожарища, ничего. Как будто и не было его никогда. На его месте росли огромные вековые дубы. Такие же, как и по всему лесу.

Трифонов бросил взгляд на яркую, пропитанную солнечным светом листву деревьев по ту сторону бассейна. Зрение будто обострилось, и он видел каждую жилку на пронизанных солнечными лучами, искрящихся зеленью листьях. Интересно, сколько он уже здесь? Десять минут? Час? Век?

— Я помчался к Сашиным родителям, но на месте их дома торчала труба какого-то завода. При том явно не новая — осыпавшаяся и закопчённая, с аккуратно выложенным плиткой числом «1965» на вершине, — продолжал Гришин. — Вы представляете себе, каково это? Осознавать, что сейчас — прямо в эту самую секунду — сходишь с ума? Что твой рассудок рассыпается, как трухлявый пенёк под ударами топора? Ведь всё наше самосознание, вся личность покоятся на воспоминаниях, как здания — на фундаменте! И вот представьте себе, что огромный пласт ваших воспоминаний — этой незыблемой твёрдой породы, основы реальности — вдруг предательски ушёл из-под ног, провалился в тартарары, угрожая утащить вас за собой в бескрайнюю тьму безумия. Я зашёл в лес и присел на бревно среди старых дубов, росших на месте дома моего друга. Росших уже не одну сотню лет. Первым, и очень острым, желанием было напиться. Но его я быстро одолел: алкоголь в подобных случаях помогает разве что героям старых фильмов. На деле же он лишь способствует ещё большему истончению и распаду ткани реальности, а подобного я себе позволить не мог. Я постарался собраться с мыслями и резюмировать всё то безумие, которое начинало засасывать меня, подобно зыбучим пе-

скам. Моих друзей не стало. Точнее, их, судя по всему, никогда и не было. Не было катания на велосипедах по двору с Сашей в детстве, не было совместного похода на концерт «Металлики» в девяносто четвёртом... Не было ничего. Всё это оказалось лишь гнилыми плодами моего большого воображения.

Помолчав, он добавил:

— Тем не менее, всё это было в книге. Моей книге. Книге, которую я не писал. Я сидел там, в лесу, глядя на пустые бутылки от всякой слабоалкогольной химии, устилавшие землю вместе с окурками, презервативами и жёлтыми россыпями магии-мачехи. Впервые я задумался о том, что происходит с моим рассудком. О книге, найденной непонятно где и написанной неизвестно кем. Романы с персонажами, которых я полагал своими настоящими, совершенно не воображаемыми друзьями. Должно быть, в те мгновения я бы с удовольствием схватил пистолет и прострелил себе голову, лишь бы освободить те сумасбродные фрагменты воспоминаний и переживаний, переставших уживаться друг с другом, теснящихся, режущих друг друга краями... Освободить, пока они не раскололи голову изнутри...

Пауза. Щелчок зажигалки. Очередной силпый выдох, и струя дыма.

— Естественно, я заподозрил, что у меня крыша поехала, причём давно и очень-очень серьёзно. Ничего не говоря жене — к своему ужасу, я понял, что не могу быть уверен даже в её существовании — я кинулся ко всевозможным специалистам, будучи убеждён, что мои мозги превратились в выставку достижений онкологических новообразований. Однако результат был обескураживающим: за исключением хронического бронхита, никаких серьёзных патологий никто не обнаружил. Настал черёд психиатров, но и они оказались бессильны, углубляясь в бессмысленный профессиональный трёп, сотканный из фрейдизма и прочей бредятины. Тем не менее, в течение следующих дней я ожи-

дал безумия, как чего-то неминуемого, вроде времени года. По ночам я лежал в постели и ждал, когда тьма, окружающая меня, последней волной хлынет внутрь через глаза и захлестнёт тлеющие остатки здравого смысла. Жене я объяснил своё беспокойство нервным напряжением от внезапно свалившейся на голову популярности, почему-то запоздало проявившимся лишь сейчас. С помощью осторожных наводящих вопросов я понял, что она ничего не помнит о Кривицких. Все и всё вокруг указывали на то, что их никогда не существовало. А это означало лишь одно: я безумец.

Впрочем, жизнь шла своим чередом. Постепенно ужас внутри поблек, и я смирился с тем, что огромная часть моей памяти, подобно Атлантиде, скрылась в пучине небытия. Зимой, когда мы катались на лыжах в Альпах, Кристина сказала мне, что беременна, и я понял, что есть кое-что поважнее, чем попытки определить градус собственного помешательства. Ажиотаж вокруг моей персоны постепенно сходил на нет, и мой агент намекнул мне, что пора бы сочинить что-нибудь ещё, если я хочу удержаться на гребне волны. Тогда-то я и почувствовал это.

Оно походило на чувство-близнец того, что разбудило меня той ночью, в палатке, среди руин и дрожащей на ветру степи. Это был какой-то зов, и он снова звал меня туда, к древним камням. Именно тогда я и начал интересоваться, чем же на самом деле являлись эти развалины. И знаете, что я выяснил?

Затянувшаяся пауза подсказала Трифонову, что здесь ему положено проявить интерес.

— Что? — прохрипел журналист. В пересохшее горло, казалось, набили раскалённого песка.

— Во всех учебниках по истории архитектуры и путеводителях по тем местам руины называются остатками частной усадьбы, построенной древнегреческими колонистами в четвёртом веке до на-

шей эры. Однако, зарывшись в книги, посвященные раскопкам в этом районе, я наткнулся на мнение нескольких авторитетных археологов, утверждавших, что «усадьба» в Деретюше вовсе не является таковой. По их мнению, руины являлись ни чем иным, как культовым комплексом. Святилищем, посвященным зловещей греческой богине Ате — дочери Зевса, помрачающей людские рассудки, покровительствующей обману и вызывающей всевозможные бедствия.

— Статуя у ворот... — начал Трифонов, неопределённо указав рукой в сторону бесконечно далёкой подъездной дороги.

— Верно, — кивнул Гришин. — Найдена в Деретюше и куплена мной у чёрных археологов. Кстати говоря, её изображения крайне редки и попадают лишь за пределами Греции. Дело в том, что культ этой богини был запрещён, и её почитатели вынуждены были бежать в различные далёкие уголки освоенного греками мира.

«Интересно, к чему вся эта история религии и занимательное краеведение?», — подумал Трифонов.

— Теперь всё немножко становится на свои места, верно? — улыбнулся Гришин.

«Разве что в твоей безумной черепашке», — подумал Трифонов, улыбаясь и кивая в ответ.

— В общем, я под каким-то выдуманым предлогом сумел отпроситься у жены и рванул в Крым. До развалин мне удалось добраться засветло: яркое солнце заливало степь от горизонта и до самого моря. Стояла поздняя осень, кожу кусал холодный ветер, и пространство вокруг было абсолютно пустынным. Я вошёл в очерченный камнями прямоугольник, и в ту же секунду свет будто немного померк. Солнце всё так же ярко искрилось в морской воде, но среди древних камней будто царили сумерки. Мне стало страшно, появилось желание броситься прочь, к машине, и жать на газ, пока это место не растает вдали. Но зов был сильнее. И я поддался ему.

Рукопись ждала меня там же, где и в прошлый раз: в тёмном зазоре между камнями. На сей раз стопка была толще. Честно говоря, наибольшим моим страхом тогда было внезапно обнаружить среди камней не роман, а сборник рассказов, — сказал Гришин. Он забросил ногу на ногу, и в глаза Трифонову уставились его грязные босые стопы — почти столь же чёрные, как и стволы обреза, поглаживаемые мелко дрожащей рукой. — Тогда это походило бы на массовое убийство.

— Но вы нашли очередной роман? — спросил журналист.

— Да, — кивнул писака. — И, думаю, несложно догадаться, чему он был посвящён и как назывался.

— «Кристина в одиночестве», — сказал Трифонов. Даже он был в курсе того, что эта околесица о женщине, потерявшей сына, и сходящей из-за этого с ума, принесла Гришину Букеровскую премию. В какой-то смертельно занудной литературной газетке маститый критик особенно отметил достоверность, с которой переданы страдания женщины, и удивился, как это удалось мужчине, к тому же, никогда не состоявшему в браке и не имевшем детей.

Гришин кивнул.

— По пути в Деретюш я намеревался сам отвезти рукопись издателю, но, возвращаясь, понял, что не желаю, чтобы это ехало со мной весь день в одной машине. В ближайшем посёлке я зашёл на почту и швырнул рукопись в ящик, втайне надеясь, что она затеряется по дороге.

Конечно же, не затерялась.

Последовал небольшой антракт с очередной сигаретой и стаканом сока из рук очаровательной девицы в бикини. Гришин судорожно промочил опалённую сумасбродными рассказами глотку, и продолжил:

— Дети, товарищ Трифонов, это величайшая радость, недоступная людям вроде вас... Впрочем, вам и неведом тот ужас, которым оборачивается их потеря. Знали ли я, что будет дальше? Наверное, нет. Но

догадывался ли? Наверняка. Какое-то неясное, смутное предчувствие было всегда, и если бы не моё настойчивое желание отмахнуться от него, не моя безудержная жадность, и что-то ещё, подозрительно напоминавшее симптомы зависимости, то я обязательно расслышал этот тонкий, едва слышимый голосок. Но...

Гришин закашлялся, и этот сиплый кашель больше подошёл бы какому-то немцу, умирающему в руинах Сталинграда, а не «Апостолу Современной Литературы». Трифонов буквально чувствовал резонирующую пустоту внутри писателя: тот подходил на дуб, выжженный изнутри молнией.

— Знаете, этот роман я прочёл. От корки и до корки — единственный из всех. Меня впечатлило, как хитро было выстроено повествование: героиня замужем, но её муж не присутствует на страницах и почти не упоминается. Ещё бы: ведь тогда и мне посчастливилось бы испариться без следа, а не сидеть сейчас здесь, с вами. А оно не могло позволить мне отделаться так легко!..

Писатель долго смотрел в окно, а затем резким движением сорвал очки с лица и уставился на журналиста. Трифонов вздрогнул, и вжался в кресло: глаза, взравшие с этого почерневшего, иссохшего лица, были полны безумия и боли столь жутких, что вряд ли доступных сознанию простого смертного. Трифонов понял, что стоило бы ему пережить хоть мгновение того, что пылало в душе и разуме писателя, как и он тотчас лишился бы рассудка.

— Знали бы вы, как нестерпимо... Как жутко жжёт изнутри! Как разрывает грудь, как рвёт на части, как хочется оказаться там, в этой чёртовой книге, исчезнуть с лица земли, но быть с ними, где-то там, в небытии... Она была беременна, знаете ли. Кристина. Нашим вторым ребёнком. Это была девочка. Так было написано в книге. Я попытался нарисовать их, мою жену и сына... По памяти... Ведь фотографии исчезли, сами понимаете...

Писатель судорожно махнул рукой в сторону мази на стене.

— Художник из меня, понятно, никакой, но теперь у меня есть хоть что-то... Хоть жалкое подобие...

Гришина вдруг заколотила дрожь крупнее прежней. Усилие, которое понадобилось, чтобы хоть немного унять её, должно быть, было чудовищным: на коже Гришина выступила испарина.

— Нам пора заканчивать... Честно говоря, я не рассчитываю на ваше понимание... Да и не для этого я вас сюда пригласил. Я просто уверен — по некоторым причинам — что именно такой человек, как вы, должен был услышать эту историю. Дело в том, что сейчас я вновь чувствую зов. В эту самую секунду.

И прежде, чем журналист успел сообразить, что это значит, Гришин сказал:

— Надеюсь, вы простите меня за потерянное время. Вынужден откланяться.

А потом стволы обреза в мгновение ока уперлись в подбородок писателя — и комнату заполнил грохот. Табачная завеса смешалась с пороховой гарью, вопли брюнетки отражались от стен, а Трифонов смотрел на своё узкое и вытянутое отражение в стакане и задумчиво бормотал, будто боясь забыть: «Деретюш... Деретюш...».

До развалин он добрался, когда уже стемнело. Местные татары то показывали ему неверное направление, то вовсе отказывались указать на руины и принимались бормотать что-то угрожающе, так что на поиски ушло немного больше времени, чем он ожидал. Не то чтобы он поверил всему этому бреду Гришина, но... Чем чёрт не шутит.

Наконец впереди показались развалины; они чернели на фоне налитого кровью заката, напоминая остатки искрошившихся зубов, торчащих в уродливой челюсти. Трифонов бессознательно ускорил шаг. Мысль о том, где он заночует, не тревожила его. То, что он мог найти среди камней, стоило тысячи одиноких ночей на холодной земле. Благо уже совсем скоро он смо-

жет купить себе ночи где и с кем угодно.

У него ушло достаточно много времени на то, чтобы найти расселину в камнях: в отличие от Гришина, никакой мистический зов ему ничего не подсказывал, и пришлось ощупать каждый сантиметр проклятой кладки. Шелест выгоревшей травы и завывания ветра в скалах действительно походили на смешки и приглушенный хохот: будь Трифонов столь же впечатлительным, как писака-суицидник, он сейчас тоже навывдумывал бы всякой чертовщины...

Наконец, луч фонаря выхватил заветную дыру, чернеющую в стене. Журналист запустил туда руку, надеясь, что там её не цапнет каракурт или ещё какая-нибудь местная ядовитая тварь. В первые несколько секунд ему показалось, что там нет ничего, кроме пыли, и он вдруг понял, как же в глубине души надеялся на находку. Но, в конце концов, пальцы нащупали бумагу. Не сдержавшись, Трифонов испустил победный клич, и крик его тысячью голосов отразился от ночных скал. Стопка на ощупь казалась очень тонкой: должно быть, злобная богиня на сей раз выдала лишь рассказ. «Ничего, — думал Трифонов, — рассказ Гришина тоже стоит дорого». Вытащив свёрнутую в трубку бумагу, он стащил с неё канцелярскую резинку и посмотрел на титульный лист.

«Исповедь», прочитал он. Великолепно! Осталось лишь опубликовать эту писанину под своим именем, и он окажется в гостях у сказки!

Трифонов подумал о том, что ночевать здесь не обязательно: за несколько часов он доберётся до крошечного татарского селения неподалёку. Лицо Трифонова буквально сияло счастьем, когда он направился в степь. Рука крепко сжимала листки, трепетавшие на ветру. Когда один из них — титульный — чуть приподнялся на ветру, в бледном свете луны на мгновение показалось начало первой строки рассказа: «Трифонов проехал за ворота и припарковал машину...»

Лукас Кранах Младший, «Барбара Радзивилл», 1557.

Педро Камачо

Зеркало пана Твардовского

Эта история начиналась очень романтично — 24-летний Жигимонт Август, наследник польской короны и Великий князь Литовский, разбирая дела о наследстве угасшего рода Гаштольд, с первого взгляда влюбился в прекрасную вдову, 21-летнюю Барбару Гаштольд из славного рода Радзивиллов. Родители Великого князя, польские король и королева, были крайне против подобной, как они считали, маргинальной связи. К тому же, эта легкомысленное увлечение могло накликать и межгосударственные сложности, ибо Великий князь был женат на австрийской принцессе. Но Жигимонт был словно околдован прекрасной вдовой и не прислушивался к голосу разума. Мало того: как только умерла его жена, Великий князь незамедлительно

женится на Барбаре. А когда умер старый король и Жигимонт вступил на польский престол, он вскоре короновал и Барбару. Случилось это в декабре 1550 года. А ещё через полгода Барбара скорострительно скончалась. Злые языки болтали, что её отравили по приказу вдовствующей королевы-матери, Боны из рода Сфорца, которая к тому времени уже уехала к себе на родину, в Италию. Называли даже имя отравителя: некто аптекарь Монти. Но прямых улик не было, дело замяли.

Потеряв любимую, Жигимонт был безутешен. Согласно завещанию Барбары, её должны были похоронить в Вильно — и всю дорогу от Кракова до Виленского кафедрального собора король прошёл пешком, держась за край гроба.

А ещё через три месяца, когда королевская печаль, как казалось окружающим, начала понемногу утихать... Король вдруг велел, чтобы к нему призвали знаменитого мага и чернокнижника пана Яна Твардовского. Когда тот явился, король признался, что ему каждую ночь снится Барбара, которая хочет что-то сказать, но, так и не решившись заговорить, исчезает. Король знает, что пан Твардовский — весьма искусный некромант, умеющий общаться с потусторонним миром, и поэтому король просит Твардовского вызвать ему дух Барбары, чтобы он смог с ней переговорить. Поначалу Твардовский наотрез отказывался, ссылаясь на то, что это очень опасное дело, которое может повлечь за собой весьма и весьма нежелательные последствия. Но король был крайне настойчив, он сулил огромную награду и всевозможные льготы и почести. Вскоре Твардовский согласился, но с одним условием: во время общения с духом король будет молчать, а вопросы будет задавать сам маг.

Приготовления заняли несколько месяцев. Наконец, всё было готово. Король прибыл в Несвиж, родовой замок Радзивиллов, его провели в специально подготовленный покой с закрытыми окнами, усадили в кресло, велели, чтобы он не

Войцех Герсон «Призрак Барбары Радзивилл, 1886

шевелился и молчал, затем Твардовский снял с каминной полки небольшое зеркало, слуга-ассистент поднёс зажжённую свечу... И король увидел в зеркале Барбару. Её образ начал быстро увеличиваться и становиться объёмным, и вот уже Барбара выступает из зеркала, улыбается, открывает рот, желая что-то сказать...

Но Жигимонт, не удержавшись, вскакивает, бросается к возлюбленной, кричит:

— Басенька! Моя Басенька!..

Тут же сверкает молния! Грохочет гром! Барбара исчезает, а вместо неё король видит перед собой тёмный призрачный силуэт. Силуэт медленно отходит к стене и исчезает в ней.

После тех событий прошло уже почти пять с веков, но в Несвижском замке до сих пор то и дело встречают призрак так называемой Чёрной Дамы. Говорят, что когда дым рассеялся, пан Твардовский с горечью воскликнул:

— Что вы наделали, ваше величество! Теперь её душа не будет знать покоя до самого Страшного суда!

Король на это промолчал. Пан Твардовский был отпущен с миром.

Когда слухи о случившемся дошли до столицы, мнения у горожан были, да они и до сих пор везде, примерно такие: одни говорили, что всё это ни что иное как шарлатанские проделки чернокнижника, облапошившего доверчивого короля, другие утверждали, что тут не обошлось без какой-нибудь хитроумной научной новинки, и, наконец, третьи просто верили в то, что пан король и в самом деле видел призрак своей умершей жены, но этот призрак по какой-то причине не захотел с ним разговаривать, и это очень дурной знак.

Дурным знаком скорей всего было то, что, женившись в третий раз, король так и заимел наследника, династия Ягеллонов прервалась и началось так называемое бескорольевье.

Но вернёмся к призраку и зеркалу. Самым простым объяснением случившегося было то, что никакого видения не было, а был лишь дерзкий обман, когда в тёмной задымлённой комнате королю показали мошенницу, обряженную в одежды покойной королевы. Но король там был не один, вместе с ним за явлением духа наблюдала его свита, в которой было немало недоброжелателей пана Твардовского и они не преминули бы его разоблачить. Так что можно почти однозначно утверждать, что тут всё дело в зеркале.

И сразу же явился слух, что это было никакое не зеркало, а экран самого обыкновенного (если можно так выразиться) волшебного фонаря, или, на современном языке, проекционного аппарата, проектора. Тут только надо отметить, что изобретателем проектора считается знаменитый голландский ученый Христиан Гюйгенс, родившийся почти через сто лет после описываемых событий. Но, правда, некие подобия проекторов были известны уже и во времена пана Твардовского. То есть,

говорили скептики, маленькую картинку с изображением королевы проецировали на экран, который лживый маг выдавал за зеркало, а далее, уже увеличенное, изображение ещё раз проецировалось на дымовую завесу, вот и весь секрет.

Но в таком случае к зеркалу была бы присоединена довольно объёмная камера с линзами и слайдом (картинкой). А там ничего такого не было! Сразу после неудачного сеанса Твардовский, по просьбе одного из приближённых короля, дал ему осмотреть зеркало — и это действительно было одно только зеркало без каких-либо дополнительных к нему приспособлений. Кроме того, тогдашний проектор (иначе, фантаскоп) давал весьма размытое, колеблющееся изображение, а видение покойной королевы, по свидетельству очевидцев, было очень чётким и точно передавало цвета.

Тогда, может быть, здесь и в самом деле не обошлось без магии, и пан Твардовский пользовался так называемым волшебным зеркалом, которое якобы изобрёл великий маг и алхимик Парацельс (1493-1541)? Если верить некоторым свидетельствам, у Парацельса было зеркало, заглянув к которому «вы сможете увидеть события прошлого и настоящего, друзей или врагов в их отсутствие, увидеть, чем они заняты. Вы сможете увидеть любой объект, который только пожелаете, и все поступки людей днём и ночью». Но, как видно из текста, это зеркало не проецировало и не увеличивало имеющихся в нём изображений. Кроме того, нам известен состав, которым было покрыто зеркало Парацельса. Это, в определённых пропорциях, золото, серебро, медь, жёсть, свинец, порошковое железо, ртуть. А у зеркала пана Твардовский совсем другой состава покрытия. В этом легко убедиться, так как оно, как это ни удивительно, сохранилось до наших дней и доступно для исследований.

Этим обстоятельством не преминуло воспользоваться немалое число учёных из различных стран. Вначале ими было определено время и место создания зеркала — 16-й

Михал Эльви́ро Андриолли «Разговор Твардовского с дьяволом», 1890.

век, Германия. Затем определили состав покрытия — серебро, сурьма, цинк и олово. И самое главное: на поверхности зеркала, под защитным стеклом, имеются два едва заметных изображения. Одно из них напоминает силуэт женщины в старинных одеждах, а второе — какое-то странное, нереальное существо. Более всего похожее на чёрта. И вот что ещё важно — каждый рисунок нанесен под определённым углом, так что одновременно их увидеть невозможно, а только по отдельности. Этот факт в совокупности с малообъяснимыми, но сознательно заданными неровностями на поверхности зеркала, дал некоторым авторам возможность утверждать, что эффект, создаваемый зеркалом, очень напоминает современные голограммы. Однако все исследования и эксперименты, проведённые в этом направлении, ни к чему положительному не привели. И это понятно, так как для создания зеркала с голографическим эффектом нужна совсем другая техническая, равно как и технологическая база,

нежели та, которая была доступна экспериментаторам того времени.

Так что нам остаётся признать, что зеркало пана Твардовского более всего напоминает магическое зеркало Парацельса, только с несколько другим принципом действия. Истории известно несколько подобных зеркал. В первый раз им обладал Альберт фон Больштедт, прозванный Альбертом Великим (1193 - 1280), профессор Кёльнского университета, вызвавший императору Максимилиану Первому дух его недавно умершей супруги Марии Бургундской. Вторым был достославный доктор Иоганн Фауст, представивший курфюрсту Ангальтскому образы Александра Великого и Елены Троянской. Фауст, как и Твардовский, учился на медицинском факультете Ягеллонского университета в Кракове. Среди прочих наук, там в то время читался и курс так называемой естественной магии, одним из разделов которой являлась некромантия, искусство вызывания духов умерших. Эта практика считалась очень опасной, ибо, по одной версии, адепт и в самом деле вызывал загаданную душу, а по второй это было лишь обманчиво видение, в точности повторяющее того, кого хотели увидеть, ибо, как говорили тогда «дьявол знает отлично, как создан каждый человек, и память у него хорошая, и большой он мастер в воспроизведении подобного». Кроме того, император Максимилиан после вышеописанного действия говорил, что он едва удержался от соблазна, дабы не заговорить с духом — и тогда злой дух его бы истребил, утверждал император. Поэтому мы теперь вполне можем представить, как волновался перед подобным же действием Твардовский, и что он почувствовал, когда действие оказалось сорванным.

Известно, что после тех событий пан Твардовский прожил ещё 22 года, но уже больше никогда не позволял себе подобных опытов. А перед смертью, точнее, перед своим неожиданным исчезновением, он завещал это зеркало епископу Франтишку Красинскому, который вско-

ре передал его церкви в Венгрове, маленьком польском городке, в те времена принадлежавшем Радзивиллам. Зеркало размером 56 на 46 см, в широкой, выкрашенной в чёрное сосновой раме, по которой серебром написано: «LVSERAT HOC SPECVLO MAGICAS TWARDOVIVS ARTES LVSVS AT ISTE DEI VERSVS IN OBSEQVIAM EST (Этим зеркалом Твардовский творил магию, теперь оно обращено на служение Богу)».

Но не всё так просто! Зеркало висело двести лет, пока однажды одному монаху не почудилось, что в зеркале отражается не он, а чёрт! Монах швырнул в зеркало связку ключей, стекло лопнуло, но не рассыпалось, а разделилось на три части. Зеркало, от греха подальше, перевесили повыше, чтобы больше никто не мог в него смотреться. Так оно и висит там поныне. Но это по одной версии. А по второй его разбил Наполеон весной 1812 года, когда, перед походом в Россию, решил заглянуть в зеркало пана Твардовского, которое, как говорили, показывает будущее. Что он там увидел, император не сказал, но зеркало разбил. Теперь трудно сказать, какая версия верна, но обе сходятся на том, что артефакт испорчен и нам теперь, наверное, уже никогда не узнать, какую именно тайну скрывает в себе зеркало пана Твардовского.

ISSN 2308-894X

9772308694001 00113